

КРЫМСКОЕ АРМЯНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Армяне Крыма: вчера, сегодня, завтра

Международная научно-практическая конференция, посвященная

650-тилетию со дня основания монастыря Сурб-Хач

25-26 июля 2008 г., монастырь Сурб-Хач,

Автономная Республика Крым

Материалы конференции

Редакционная коллегия сборника: О. А. Габриелян, А. М. Байбуртский, О. Н. Герардини, А. Д. Тимиргазин.

КРЫМСКИЕ АРМЯНЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА

*Доктор мед. наук, проф. С. А. Варданян
(Ереван, Матенадаран)*

РАЗВИТИЕ МЕДИЦИНЫ В КОРЕННОЙ АРМЕНИИ И АРМЯНСКИХ КОЛОНИЯХ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Медицина, являющаяся неотъемлемой частью древней культуры Армении, своими корнями уходит вглубь веков. Питаемая истоками народной медицины, она вобрала в себя лечебный опыт многих поколений народных врачей относительно целебных свойств флоры, фауны и минерального царства Армении.

Армянская народная медицина, насчитывающая почти трехтысячелетнюю историю, располагает богатейшей сокровищницей лекарственных средств, включающей представителей флоры, фауны и неорганической природы Армении. Особенно славились в древности лекарственные растения Армянского нагорья, которые вывозились во многие страны Востока и Запада и вошли в древнейшие фармакопеи. Так, античные авторы (Геродот, Страбон, Ксенофонт, Тацит, Диоскорид) в своих описаниях Армении нередко упоминают о целебных растениях армянской флоры. Ксенофонт в «Анабасисе» говорит о ароматных армянских винах, отличном пиве, кунжутном и миндальном масле, терпентине, душистых мазях, секрет приготовления которых был ведом армянам [5, с. 106-108]. Армения, наряду с Мидией, была в древности родиной ряда ценных камеденосных растений, продуцировавших знаменитый лазер, необычайно высоко ценившийся римлянами для лечения многих болезней, как пишет об этом Плиний Старший в «Естественной истории» [12, р. 445].

Армянские историки сообщают немало интересных сведений о древней армянской медицине. Так, отец армянской историографии Мовсес Хоренаци пишет, что царь Вагаршак (II век до Р. Х.) оздоравливал болотистые края Тайка и Кога, создавая там великолепные сады и цветники [8, с. 160-161]. В этих садах и цветниках выращивали лекарственные растения, встречающиеся в диком виде в различных районах Армении, как об этом упоминает и другой историк V века Лазар Парбеци [7, с. 9-10]. По некоторым данным, из армянских трав

понтский царь Митридат, родственник армянского царя Тиграна II, известный врач и токсиколог древности, готовил свой знаменитый териак (противоядие) [10, т. 1, с. 55]. Большой популярностью пользовались также лекарственные средства неорганического происхождения, вывозившиеся из Армении. Армянская глина – *Bolus armena*, содержащая алюмосиликаты и окись железа, применялась в качестве противовоспалительного, противоаллергического и противоопухолевого средства, а также рекомендовалась при кровотечениях и отравлении. Она была хорошо известна выдающемуся врачу античной эпохи Галену, а впоследствии ее высоко ценил «князь медицины» Ибн Сина [3, т. 2, с. 306]. Этот ценный опыт армянской народной медицины лег в дальнейшем в основу развития классической медицины.

После изобретения в начале V века Месропом Маштоцем армянского алфавита появилась древняя армянская книжность, причем труды по медицине заняли в ней почетное место. Труды классиков античной философии, естествознания и медицины – Платона, Аристотеля, Гиппократ, Галена, Асклеиада и других, переведенные в V-VII веках усилиями грекофильской переводческой школы на древнеармянский язык (грабар), сыграли большую роль в формировании мировоззрения армянских врачей. Прославленный философ средневековой Армении Давид Анахт (конец V – начало VI веков) был прекрасно знаком с принципами гиппократовской медицины. В его сочинениях затронуты проблемы медицинского характера и особенно врачебной этики. Так в книге «Определения философии» он критикует взгляды стоиков, в ряде случаев (голод, потеря близких, стихийные бедствия, попрание человеческого достоинства, неизлечимая болезнь) оправдывавших самоубийство, и с позиций «Клятвы» Гиппократ отвергает эвтаназию. «Испытания, где бы они ни случились, – писал Давид Анахт, – существуют не для того, чтобы убивать себя, а для того, чтобы испытать душу. Ибо как хороший кормчий проверяется не при тиши морской, а при бурных волнах, так и возвышенная душа смело идет навстречу испытанию» [2, с.73].

В начале VIII века известный армянский ученый Степанос Сюнеци в сотрудничестве с Давидом Ипатом перевел труды греческих натур-философов IV века Немесия Эмесского «О природе человека» и Григория Нисского «Об устройении человека» [4, с. 5-37]. Вышеуказанные сочинения, в которых рассматриваются вопросы анатомии, физиологии, эмбриологии, лекарствоведения и психологии в духе учений Платона, Аристотеля и Галена, пользовались большой популярностью в средневековой Армении [13, с. 50-52].

Особенно благоприятные условия для развития искусств и наук, и в частности медицины, сложились в X-XI веках в Анийском царстве Багратидов, в эпоху армянского Возрождения. В столице Ани была основана врачебная школа, во главе которой стоял известный философ, поэт и врач Григор Магистрос Пахлавун, современник Ибн Сины. В анийской и ряде других (санаинской, ахпатской) средневековых академиях наряду с философией и естественными науками преподавалась также медицина. Традиции этой школы, проникнутые духом эллинизма, нашли свое отражение в «Лечебнике Гагика». История, к сожалению, не сохранила имени автора прославленного лечебника, написанного «во времена победоносного царя Гагика» (990-1020), т. е. примерно в то же время, что и «Канон» Ибн Сины. В дальнейшем этот лечебник был отредактирован в киликийской Армении ученым Хетумом Ламбронати, который включил в него труды врачей киликийской школы. В «Лечебнике Гагика» ощущается близкое знакомство его автора с сочинением «*Materia medica*» античного ботаника и врача Диоскорида [2, с. 108-110]. У нас имеются данные о том, что уже в анийскую эпоху и даже раньше в Армении находился оригинал труда Диоскорида. Так в Матенадаране им. Маштоца (рук. N 141) хранится его фрагмент на древнегреческом языке, датируемый VI веком. Наряду с Диоскоридом в «Лечебнике Гагика» упоминаются имена Гиппократ, Аристотеля, Асклеиада, Галена и других античных авторов. Интересно отметить, что в тех частях лечебника, которые были включены в него в киликийский период, упоминаются и арабские врачи, что также нашло отражение в его медико-ботанической терминологии. Тот факт, что вышеупомянутый лечебник был отредактирован и дополнен новыми разделами в Киликийской Армении, также не случаен. После падения царства Багратидов (1045) одним из влиятельных политических и культурных центров средневековой Армении становится Киликийское армянское царство, куда стекался цвет армянской интеллигенции. Здесь в Ромкле, при дворе армянских католикосов Нерсеса Шнорали (1166-1173), Григора Тга (1173-1193) и в Сисе, столице царей из династии Рубенидов-Хетумидов, были созданы благоприятные условия для развития естественных наук и медицины на основе традиций коренной Армении.

Именно с Киликийской Арменией и ее медицинской школой была связана плодотворная научная и врачебная деятельность Мхитара Гераци. «Великий Мхитар», как именовали его современники и последующие поколения врачей, был основоположником средневековой армянской медицины, для которой он сделал то же, что Гиппократ – для греческой, Гален – для римской, Ибн Сина – для арабской медицины. Он обобщил, собрал, исследовал врачебный опыт прошлых веков, создав труды, которые и поныне не утратили своей ценности. Многие из этих рукописных лечебников, как и другие произведения анийской и киликийской школ, благодаря трагической судьбе армянского народа были уничтожены во время геноцида армян в Османской Турции.

Плодотворная научная и врачебная деятельность армянского ученого врача-«бжшкapeda» в Киликийской Армении имела следствием, что уже в шестидесятых годах XII века он стал признанным авторитетом, другом католикоса Нерсеса Шнорали, посвятившего ему поэму натурфилософского характера «О небе и его светилах». В восьмидесятых годах XII века Мхитар Гераци приступил к созданию главного труда своей жизни, книги «Утешение при лихорадках», материалы для которой он терпеливо собирал, не только изучая труды античных и арабских врачей, но и скитаясь по заболоченным районам Киликийской Армении, где свирепствовали малярия и другие лихорадки. Неудивительно, что этот труд был предметом внимания всех тех, кого заботило благо страны, и в первую очередь католикоса Григора Тга, поэта и философа, всячески поощрявшего и поддерживавшего «бжшкapeda». В книге «Утешение при лихорадках» (1184) проявились сильные стороны Мхитара Гераци как ученого: его стихийный материалистический подход к сущности болезнетворного начала, попытки самостоятельно осмыслить причины лихорадок. Гераци выдвинул новаторскую гипотезу о живом «плесневом» начале, которое присутствует в крови и других влагах организма и вызывает «плесневую» лихорадку. Известный историк армянской медицины Л. А. Оганесян пишет: «Остается объективным и неоспоримым фактом, что ни один из врачей добактериологической эры не употребил для обозначения инфекционного процесса термина, столь близко стоящего к истине, как это сделал Мхитар Гераци» [9, с. 39].

Во всеоружии всех этих знаний о лихорадках Мхитар Гераци опытным путем разработал комплексную систему этиопатогенетического и симптоматического лечения, основанную на применении лекарственной терапии, диетотерапии, физических методов и психотерапии. В системе лекарственного лечения Мхитара Гераци главное место принадлежало фитотерапии, основанной на опыте армянской народной медицины. Среди лекарственных растений, рекомендованных им для лечения инфекционно-аллергических болезней, выделяются виды, наделенные антибактериальными, противовоспалительными и противоаллергическими свойствами. В сложных прописях книги «Утешение при лихорадках» часто фигурируют кувшинка, фиалка, ирис, коровяк, иссоп, девясил, полынь, подорожник, воловик, солодка, безвременник, каперцы, мята, чебрец, якорцы, а также компоненты животного происхождения и неорганической природы.

Анализ книги «Утешение при лихорадках» показывает высокий уровень, достигнутый армянской медициной при Мхитаре Гераци. Эрнст Зайдель, один из наиболее глубоких исследователей творчества Гераци и переводчик книги «Утешение при лихорадках» на немецкий язык (1908) писал: «Когда мы, например, сопоставляем без предубеждения вышедшую несколькими десятилетиями ранее «Физику» Гильдегарды с произведением нашего армянского мастера, то мы должны решительно предоставить последнему пальму первенства за основательное знание природы, последовательное, самостоятельное мышление и полную свободу от схоластической кабалы» [11, S. IV].

В XIII-XIV веках значительное оживление наблюдалось также в деятельности высших школ, действовавших на территории коренной Армении: в Ерзнке, Гладзоре, Татеве, в которых преподавались основы естественных наук и медицины. Следует отметить, что в эту эпоху в высших школах Крны и Цорцора, которые стали центрами униатского движения, в результате творческого содружества армянских и европейских ученых были переведены с латинского богословские и натурфилософские труды ряда европейских авторов, в том числе выдающегося философа, ботаника, зоолога и врача XIII века Альберта Великого. Из школ коренной Армении особо следует отметить Татевскую, с которой была связана деятельность крупнейших мыслителей Ованнеса Воротнеци и Григора Татеваци, в трудах которых рассматриваются не только проблемы философии, но и естествознания и медицины. К числу последних относится «Книга вопросов» Татеваци (1389), причем проблемы медицины рассматриваются в V части

книги. Рассуждения автора, касающиеся анатомии, физиологии, эмбриологии и психологии, выдержаны в духе античных и раннесредневековых авторов: Платона, Аристотеля, Григория Нисского и Немесия Эмесского. В них ощущается также близкое знакомство с трудами Альберта Великого. В «Книге вопросов», в частности, рассматривается интересовавшее последнего учение о физиогномике, к которому Григор Татеваци проявлял критический подход [10, т. 2, с. 158-160].

Падение Киликийского армянского царства в конце XIV века, а также непрерывные войны, которые вели Турция и Иран за обладание землями коренной Армении на протяжении XV-XVI веков, привели страну к культурному упадку. На этом мрачном фоне лишь в некоторых армянских врачебных центрах – в Амасии, Себастии и Евдокии поддерживались традиции классической медицины.

Последней ее яркой вспышкой было творчество выдающегося врача XV века Амирдовлата Амасиаци. То была эпоха бурных политических потрясений, когда западные области Армении стали добычей османских турок. Амирдовлат Амасиаци был современником завоевания в 1453 году Магометом II Константинополя, ибо уже в пятидесятых годах XV века он, покинув свой родной город, обосновался в этом прославленном культурном центре. Здесь Амирдовлат быстро достиг признания и был назначен главным хирургом-окулистом Магомета II, получив титул «джарахбаши раматанин», т. е. «главного хирурга, пользующего глазных больных» [2, с. 142].

Будучи зрелым врачом и во всеоружии опыта и обширных познаний, Амирдовлат Амасиаци написал в 1459 году в Константинополе «по просьбе Варда, сына Шади-бека» свой первый труд «Учение медицины». Книга эта в дальнейшем подверглась значительной переработке со стороны Амирдовлата, который углубил, расширил ее, введя обширные разделы по патологии, клинике и терапии и дав ей новое название – «Польза медицины» (1466-1469). В этом сочинении подробно излагаются взгляды автора по всем важнейшим вопросам медицины, причем поражает широта научного кругозора армянского «бжшкapeda» и его глубокое знание предшествующей литературы (как античной, так и арабской). Наиболее оригинальный характер носит клиническая часть труда, где приводятся в систематизированном виде методы лекарственного и диетического лечения свыше 200 болезней различных органов и систем, а также лихорадок, доброкачественных и злокачественных опухолей, отравлений и кожных болезней [2, с. 144].

В последние годы жизни им были написаны самые значительные труды по лекарствоведению: «Ахрапатин» (1481) и «Ненужное для неучей» (1478-1482), а несколько ранее – «Народная книга» (1474), давшая основание именовать Амирдовлата, подобно Мхитару Гераци, астрономом, разумеется, в понимании средневековой науки, в которой понятия астрономии и астрологии нередко переплетались. Вершиной средневекового армянского лекарствоведения по праву считается книга Амирдовлата «Ненужное для неучей», которая представляет собой энциклопедический словарь с терминологией на пяти языках: армянском, греческом, латинском, арабском и персидском. В 3378 параграфах книги, расположенных в последовательности букв армянского алфавита, дается описание свыше 1000 растительных видов, 250 животных и 150 неорганических препаратов. Опытным путем пришел армянский «бжшкapeda» к установлению противоопухолевых свойств горичника, синеголовника, барвинка, гелиотропа, безвременника и некоторых других растений, которые, по современным данным, содержат производные кумарина и фурукумарина, а также алкалоиды колхицин и винбластин, обладающие противоопухолевыми свойствами [1, с. 546-548]. Большое значение придавал Амирдовлат лекарственным растениям, наделенным антиоксидантными (ферула, календула, лаванда, железница) и тонизирующими (переступень, кирказон) свойствами, которые одновременно использовались им как антисклеротические средства, препятствующие преждевременному одряхлению и способствующие сохранению здоровья и молодости. С этой целью им использовались также некоторые смолы растительного, животного и неорганического происхождения (гальбан, сагапен, асса-фетида, прополис, мумие и др.). В книге «Ненужное для неучей» сохранились интересные сведения о двух экспедициях, посланных на Лемнос за печатной глиной для султана, страдавшего тяжелой формой подагры. Хотя Амирдовлат сам не принимал участия в этой экспедиции, но живо интересовался ее результатами, и ему мы обязаны уникальным описанием путешествия и его подробного маршрута [14, с. 37-38].

Для того, чтобы свободно манипулировать огромным количеством лекарственных средств природного происхождения древней армянской аптеки, требовались не только опыт и эрудиция врача, но и знания ботаника, зоолога и химика. Все эти качества гармонически сочетались у Амирдовлата Амасиаци, который внес значительный вклад в средневековую медицину, создав библиотеку трудов, написанных живым, народным языком, по традиции, идущей от Мхитара Гераци.

Подобно всем великим врачам, Амирдовлат не был одиночкой в науке. Он создал школу армянских врачей-фитотерапевтов, которая просуществовала несколько веков и следы влияния которой ощущаются в трудах представителей себастиийской школы Асара и Буниата Себастиаци, которые, помимо создания оригинальных сочинений, большое внимание уделяли редактированию и комментированию его книг. Информация, имеющаяся в этих трудах, представляет интерес для лечения болезней, проблема которых актуальна и для современной медицины (аллергии, диабет, опухоли) [1, с. 527-552].

Эти проблемы продолжали разрабатываться в XVI-XVIII веках в армянских колониях, в трудах представителей константинопольской, понтийской, кафской, львовской, новоджувльфинской и других школ, которые внесли значительный вклад в развитие средневековой армянской медицины. Создание армянских культурных и врачебных центров, да и самих колоний было обусловлено в первую очередь историческими катаклизмами – войнами, уничтожением армянской государственности в коренной Армении и вековой борьбой армянского народа не только за физическое, но и духовное выживание. Известно, что первый большой исход армян относится ко времени падения Анийского царства Багратидов (1045), а спустя три столетия – и Киликийского армянского царства (1375). Именно тогда появились армянские колонии в Старом Крыму, Кафе, Львове и многих других городах Украины, России, Польши и балканских стран, вскоре превратившиеся в важные культурно-просветительские центры. Добрая молва о сведущих армянских врачах и целителях вышла далеко за пределы их новой родины. Так, в «Киево-Печерском Патерике» говорится о враче-армянине, который пользовал киевского князя Владимира Всеволодовича Мономаха (1053-1125) [10, т. 2, с. 66-67]. Известно также, что при дворе татарских ханов в Крыму врачи-армяне занимали высокое положение лейб-медиков, как и при османских султанах в Константинополе, начиная с Амирдовлата Амасиаци, главного врача-окулиста Мухамеда Фатиха (1451-1481).

Вышеуказанные врачебные центры поддерживали тесные научные контакты между собой, и часто случалось, что их представители по обычаю средневековых врачей-периодевтов посещали соседние школы для ознакомления с их опытом. Врачами-периодевтами были Мхитар Гераци и Амирдовлат Амасиаци. Последний в шестидесятых годах XV века (годы ссылки из Константинополя), когда на Балканах свирепствовала чума, оказывал безвозмездную помощь больным независимо от их национальности и социального положения [2, с. 145]. Дух межнационального сотрудничества и гуманизма отличал также врачей-армян многонационального Крыма.

Исследование рукописного наследия крымской армянской врачебной школы показало, что кроме вопросов практической медицины здесь, как и в коренной Армении, уделялось внимание теоретическим проблемам. Большой интерес ученых врачей Крыма вызывали труды Давида Анахта, в которых в общем русле общефилософских проблем рассматривались также частные вопросы анатомии, физиологии, патологии лекарственной терапии и врачебной этики. Книга великого армянского философа «Определения философии» была переписана в 1339 году в Сурхате известным миниатюристом и писцом Григором Сукиасанцем, а в 1354 году писцом Мовсесом (рук. №№ 10337 и 8763 Матенадарана им. Маштоца). В армянском скриптории Кафы писец Огсент в 1440-1446 годы переписал «Толкования» Григора Татеваци к сочинениям Аристотеля и Давида Анахта (рук. № 10051 Матенадарана им. Маштоца). Велик был интерес в крымских скрипториях и к произведениям знаменитого средневекового философа и врача Альберта Великого. Армянский перевод его книги, выполненный в 1344 году в коренной Армении, в высшей школе Крны Петром Арагонским, спустя 6 лет был переписан в кафском скриптории, под сенью монастыря святого Николая, писцом Фра Андреасом (рук. № 104 Матенадарана им. Маштоца). В средневековых армянских врачебных центрах, как в коренной Армении, так и колониях, не угасал интерес к сочинениям греческих философов, богословов, естествоиспытателей и врачей IV-V веков Григория Нисского и Немесия «Об устройении человека» и «О природе человека», которые входят в многие рукописные сборники XII-XVIII вв. Матенадарана. Любопытно проследить судьбу одного из них – рукописи № 7135

Матенадарана им. Маштоца. Рукопись была впервые описана арменоведом Хр. Кучук-Иоаннесовым в 1916 году в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии» [6, с. 73-80]. Она в то время находилась в собрании рукописей фундаментальной библиотеки Лазаревского института восточных языков в Москве и вместе с многими крымскими рукописями спустя десятилетие вошла в собрание института древних рукописей им. Маштоца – Матенадаран. Вышеуказанная рукопись была переписана в 1640 году писцом Аветом, который в памятной записи не упоминает о местонахождении скриптория. В Матенадаране имеются и другие рукописи, переписанные приблизительно в то же время (1641-1648 гг.) писцом Аветом или Аветиком (рук. №№ 7013, 7371, 7524), последние две – в кафском скриптории. На основании палеографических данных, полученных при идентификации почерка писцов вышеуказанных рукописей и анализа некоторых данных, приведенных в памятных записях и касающихся личности заказчика рукописей – иерея Ованнеса, нам удалось установить, что рук. Матенадарана № 7135 была переписана в Кафе.

В крымских врачебных центрах занимались также редактированием книг Амирдовлата Амасиаци «Учение медицины», «Ахрапатин», «Польза медицины» и «Ненужное для неучей». Так, Саак Понтаци и его сын Манук Понтаци, родом из Трапезунда, долгое время жили в Кафе (Феодосии) и здесь в 1757-59 годы написали труды по лекарствоведению и клинической медицине, хранящиеся ныне в библиотеке армянской конгрегации Мхитаристов на острове Святого Лазаря в Венеции (рук. №№ 1353/1727 и 1644/1723) [10, т. 3, с. 155-161]. Изучение и публикация этих лечебников, которых можно рассматривать как вольную редакцию трудов Амирдовлата «Ненужное для неучей» и «Польза медицины», дополненных личным опытом самих авторов, может пролить свет на рукописное наследие армянских врачебных школ Кафы и Понта, фактически остававшееся до сих пор вне сферы научного исследования.

Список литературы

1. Амирдовлат Амасиаци. Ненужное для неучей. Комментированный перевод С. А. Варданян. – М., 1990.
2. Варданян С. А. История медицины Армении. – Ереван, 2000 (на арм.яз.).
3. Ибн Сина. Канон врачебной науки в 5 томах. – Ташкент, 1954-1961.
4. Григорий Нисский. Об устройении человека. Критический текст, предисловие и комментарии С. А. Варданян. – Св.Эчмиадзин, 2008 (на арм.яз.).
5. Ксенофонт. Анабасис. – М.-Л., 1951.
6. Хр. Кучук-Иоаннесов. Григорий Нисский (331-394 гг.)/Известия Таврической ученой архивной комиссии. – Т. 53. – Симферополь, 1916.
7. Лазар Парбеци. История Армении. Под редакцией Г. Тер-Мкртчяна и Ст. Малхасянца. – Тифлис, 1904 (на арм.яз.).
8. Мовсес Хоренаци. История Армении. – Венеция, Св. Лазарь, 1827 (на арм.яз.).
9. Мхитар Гераци. Утешение при лихорадках. Под ред. Л. А. Оганесяна. – Ереван, 1955.
10. Оганесян Л. А. История медицины в Армении в 5 томах. – Ереван, 1946-1948.
11. Mechithar's des Meisterarztes aus Her "Trost bei Fiebern", aus dem Mittelarmenischen übersetzt und erläutert von Dr. E. Seidel, Leipzig, 1908.
12. Pliny. Natural History, Book 1-37, London, Book 19, vol. 5, 1961.
13. S. A.Vardanian. Histoire de la Médecine en Arménie, Paris, 1999.
14. S. A. Vardanyan. Amirdovlat Amasiatsi, Delmar – New York, 1999.

*В. А. Захаров
(Белогорский район)*

АРМЯНЕ БЕЛОГОРЬЯ

Наряду с народами, жившими на территории Белогорского района, незаслуженно забытой осталась армянская диаспора, которая оставила в истории Крыма яркий след более чем за тысячелетие проживания на территории полуострова.

Первые сведения о проникновении армян в Таврикию мы находим в Византийских источниках. Так, в начале VII века в Херсонесе находился некий армянин – патриций по имени Вардан, который впоследствии сверг императора Юстиниана II и занял византийский престол.

В X веке среди патрициев Херсонеса был некий армянин Калокар, через которого Византия стремилась наладить дипломатические отношения с князем Святославом.

Крым, благодаря своему удачному географическому расположению на торговых путях, привлекал армян-купцов, за которыми шли отряды ремесленников, крестьян, вынужденно покинувших родину. Первое переселение армян в Крым, по мнению академика В. А. Микаеляна, относится к XI веку, когда в юго-восточной части полуострова создавались армянские колонии. Вследствие татаро-монгольских нашествий в Армению в XIII веке, армянские колонии Крыма пополнил новый приток переселенцев, принявший большие масштабы в связи с тяжёлым экономическим положением и опасностью физического истребления. Так, письменный источник крымских армян рассказывает, что большая часть переселенцев прибыла в Золотую Орду, где с разрешения хана армяне развернули широкую торговлю, занимались ремёслами. В 1299 году, после отказа хана дать им разрешение на переселение в Крым, армяне с оружием в руках были вынуждены проложить себе дорогу. Но в Крым они попали тридцать с лишним лет спустя, по договору, заключённому с генуэзским консулом Каффы. Генуэзцы, из-за своей малочисленности в Крыму, нуждались в армянах не только в целях оказания сопротивления татарским набегам, но и как в партнёрах в торговом соперничестве с венецианцами. Прибывшие в Крым армяне обосновались в Каффе (Феодосия), Солхате (Старый Крым) и прилегающим к ним местам, в том числе и на территории Белогорского района, о чём свидетельствуют, помимо письменных источников, воздвигнутые многочисленные храмы и т. д.

Со второй половины 30-х годов XIII века, вплоть до 1783 года, в Крыму господствовали татары (вначале отдельным улусом Золотой Орды, а в 1428-1783 годах – Крымское ханство, с 1475 года зависимое от Османской Турции). В противовес им, с 60-х годов XIII века до 1475 года в юго-восточной части полуострова властвовала генуэзская колониальная администрация (Каффа, Сугдея-Сурож-Судак). Армянские поселения находились в сфере интересов как Крымского ханства, так и генуэзской администрации.

В Крымском ханстве существовали отношения, типичные для кочевого феодализма. Владея пастбищами, которые были основой кочевого скотоводства, феодальная знать эксплуатировала широкие массы татар-скотоводов. Одним из основных средств обогащения местной знати была продажа невольников, которые доставались ей во время грабительских набегов на соседние территории. Это была основная статья доходов ханства, что привело к возникновению в XIII веке на караванном пути города Карасубазара и обеспечило ему роль важного торгового центра.

О наличии в Карасубазаре постоянного армянского населения, искусных мастеров по металлу, камню, смелых купцов, говорит тот факт, что к началу XIV века он превзошёл по числу жителей все города полуострова. Преимущественную роль в отношениях с татарами играло то, что армяне хорошо владели татарским языком, лучше других знали обычаи, образ жизни и быт татар ещё с пребывания в Золотой Орде. Армянин для татарина был и хорошим ремесленником, и смелым купцом, и задушевным собеседником, и доверенным целителем. В большинстве случаев, личные врачи самих ханов были выходцы из армян, а в 30-40 годах XVIII века один из карасубазарских армян – Теван-Ага, даже занимал должность директора ханского казначейства, о чём свидетельствовала надпись в армянской церкви Св.Огсента в Карасубазаре [1] (ныне не сохранившаяся). Сравнительно лояльное отношение татар к армянскому населению объясняется ещё и тем, что армяне имели свои поселения в сугубо татарских районах, где, вопреки законам мусульманской религии, татарское духовенство проявляло более терпимое отношение к армянским церквям. Так было не только в Карасубазаре, но даже и в столице ханства – Бахчисарае. Так, в армянской рукописи 1346 года известный писец Натер считает достойным упоминания наместника хана в Сурхате (Старый Крым) Рамадана из-за его справедливого ведения судопроизводства по отношению к армянскому населению.

С установлением в Крыму турецкого владычества (1475 год) и дальнейшим упрочением мусульманства наступает ухудшение в армяно-татарских отношениях, хотя ханство продолжает получать немало доходов от армянских поселений и общин. Христианское население Крыма, в том числе армяне, сыграло большую роль в изменении образа жизни татар и, прежде всего, в переходе их к оседлости. Этому в значительной степени способствовало постоянное общение татар с русскими, армянами, греками и другими народами. Помимо появления в Белогорском районе армянских поселений и деревень: Сала, Топлу, Нахичевань, Орталан, Бахчи-Эли и других, располагавшихся между Карасубазаром и Старым Крымом, в

самом Карасубазаре разрастается и армянский квартал, о масштабах которого говорит тот факт, что в XV веке в нём было 9 армянских церквей. Несмотря на насильственное переселение турками армян в Константинополь в XVI-XVII веках, армянское население Карасубазара насчитывало значительное число жителей. Это видно из свидетельства путешественника Пейсянела: «... Среди христиан Крыма больше всего армян...» [2, с. 215].

В ремесленной жизни Карасубазара армянские мастера играли ведущую роль. Так, в одной из памятных записей 1347 года писец Натер, упоминая ремесленников-армян, даёт нам частично перечень ремесел, среди которых упоминаются: сапожники, красильщики, ювелиры, ткачи, полотнянщики, портные и другие [3, с. 359-367]. Одним из ведущих ремёсел была обработка кожи, так как Карасубазар находился в центре торговых татарских путей, являющихся основными поставщиками этого сырья. Видное место отводилось и гончарному делу.

Уделяя внимание развитию ремёсел, карасубазарские армяне важное значение придавали и сельскохозяйственным занятиям. Например, возделыванию зерновых культур татары научились у русских, армян и греков, а овощеводство и садоводство у крымских армян получили такое развитие, что в XVI веке они даже экспортировали фрукты и лук [4, с. 203]. Заметная часть карасубазарских армян занималась полеводством и садоводством. В одной из своих песен Окоп Ссеци в 1649 году воспевал роскошные фруктовые сады карасубазарских армян, упоминая также, что они владели множеством мельниц, в которых перемалывали пшеницу [5, л. 179 об.].

Армянским поселениям, в том числе и в Карасубазаре, было характерно классовое расслоение. Класс имущих представляли купцы, землевладельцы, ростовщики, состоятельная часть ремесленников. В памятных записях армянских рукописей имущий класс носил титулы князей, меликов, эмиров, беев, паронов. Последний титул (парон) присваивался, например, разбогатевшим торговцам. На низшей ступени социальной лестницы находились городские рабочие, труженики-крестьяне, мелкие ремесленники, торговцы и другой рабочий люд, которые в рукописях именуется «рамиками», т. е. простолюдинами. Более полноправными были азаты.

Карасубазарские армяне, по свидетельству рукописей, жили «на условиях налогооблаательщиков крымскому хану» [6, л. 282]. Ханской казне они платили: ушур – десятину с урожая; заклад – 1/5 часть дохода со скота и птиц; петир – духовный налог; подушную подать [7, с. 96; 8, с. 13]. Об обложении христиан подушной податью свидетельствует литовский дипломатический агент Михайло Литвин, побывавший в Крыму в 1548-1551 годах. Он сообщает, что христиан вынуждают платить магометанам подушную подать.

Установление турецкого господства принесло новые лишения народам Крыма, в том числе и карасубазарским армянам. С целью упорядочения сбора налогов султан разделил Крым на четыре санджака. Прямыми налогами облагались все армянские церкви. «Оттоманский султан, – читаем памятные записи одной из армянских рукописей, – требуя подати от нижеследующих церквей, в соответствии с их состоянием, ежегодно собирает и отправляет в Стамбул: св. Саркиса – 19 злотых, ... св. Огсента – 4 злотых 1 куруш, ... св. Ованеса – 1 флорий, ... св. Урбат – 4 флори...» [9, л. 471]. По свидетельству того же писца, всё это отправлялось в Стамбул армянскому патриарху, который полученную сумму вносил в турецкую казну.

Помимо уплаты налогов, податей и различных пошлин, армянское население подвергалось национальным и религиозным гонениям, как со стороны магометанского духовенства, так и представителей Папы Римского, стремившегося вовлечь их в лоно католицизма. Для усиления в Крыму влияния католической церкви в 1318 году в Каффе было основано епископство, а в 1333 году армянские унитеры – братья-доминиканцы открыли свой монастырь. Для достижения своих целей католики прибегали даже к подкупу отдельных служителей армянской церкви. Успехи католических миссионеров среди армян не были долговременными, но наложили свой отпечаток на армянскую церковь. При ослаблении позиций геноуэзцев падало и влияние католицизма, «принявшие католичество армяне, как правило, возвращались в лоно национальной церкви» [10, с. 74], уходили из Каффы к своим соотечественникам в другие части Крыма, в том числе и в Карасубазар. Этим, очевидно и было вызвано основание на территории нынешнего Белогорского района ряда армянских монастырей и церквей (с. Богатое, с. Грушевка, с. Красносёловка и т. д.). И, если в XVI-XVIII веках среди крымских армян всё же имелись католические общины, то это были католики из новых

переселенцев, прибывших на полуостров из города Львова, а также те немногие армяне, которые в тот период попали под влияние иезуитской пропаганды.

После установления в 1475 году в Крыму турецкого владычества разбой и грабёж, непомерные налоги послужили причиной массового ухода армян с полуострова.

Массовое переселение армян из Армении в Крым произошло в начале XVII века. Один из потоков переселенцев осел и в Карасубазаре. Армянский историк Араке́л Даври́жци сообщает: «В 1602 году, ... рассеялся армянский народ и каждый уходил туда, где находил место для жилья...» [6, л. 282].

Армянские колонии привлекали к себе внимание не только культурных и церковных деятелей Армении, но и «духовных отцов» из других мест с целью сбора пожертвований. В армянских рукописях сохранились сведения о деятельности сборщиков пожертвований в XVII веке. В 1629-1631 годы для сбора пожертвований были посланы исполнители «...в деревни, расположенные около реки Кара-Су...» [6, л. 282].

Большую роль в развитии армянской культуры сыграли школы. Они существовали в средние века при армянских церквях и монастырях, где, наряду с богословием, ученики получали светские знания, изучали грамматику, арифметику, риторику, географию, философию, рукописное дело и искусство миниатюры. В XVII-XVIII веках Карасубазар был известным очагом создания рукописей. Заслуживают упоминания писцы: Захария Абега, Никогос Меланавор, Оваким Ерец и другие, которые оставили по 10 и более книг [11]. В большинстве своём рукописи носили церковный характер, но они представляют большой интерес для историков, археологов и других специалистов. Армянские мастера создали свою крымско-армянскую школу книжной миниатюры. Наряду с развитием миниатюры получило широкое распространение искусство создания фресок и рельефов. Эти произведения дошли до нас в ограниченном количестве, но и сейчас их фрагменты можно увидеть в церкви Спасителя вблизи с. Богатое и в церкви Параскевы (Урпат) в с. Тополёвка. Периодические войны, стихийные бедствия, небрежное отношение к древностям оставили печальный отпечаток на армянских памятниках, превратив многие из них в жалкие развалины.

Русско-турецкая война 1768-1774 годов сыграла роковую роль в жизни карасубазарских армян. Русское правительство, «так как промышленность, торговля, садоводство и земледелие находилось в руках христиан – греков и армян и составляли главные откупные статьи доходов хана...» [12] решило выслать из Крыма христиан. Согласно «Ведомости об армянах, вывезенных из Крыма» [13, с. 711-714], составленной А. В. Суворовым, из Карасубазара было вывезено 2809 человек обоего пола. Претерпевая страдания и лишения, карасубазарские армяне мечтали вернуться на Родину. В 1787 году армяне-католики обратились к Г. А. Потёмкину с просьбой о разрешении вернуться в Крым за свой счёт. Количество вернувшихся армян составило 1000 душ, в их числе были также армяне-григориане [14, л. 103].

За армяно-католическим обществом сохранились привилегии, они причислялись к разряду государственных жителей, на 10 лет освобождались от налогов и служб, им разрешалось свободно заниматься торговлей, промыслами, земледелием, иметь свой магистрат. Уже в 1832 году в Карасубазаре насчитывалось 18 турецко-подданных армянских семей, занятых в торговле и 89 таких же семей, занимавшихся различными ремёслами [15, л. 8-12, 16-23]. Но несравненно более многочисленной была категория семей, принявших русское подданство. По далеко неполным данным, начиная со второй половины XIX века и вплоть до Первой мировой войны, их было 200 [16].

В Карасубазаре, на основании ст. 5 Грамоты Павла I от 14 ноября 1799 года функционировал армяно-католический суд. Данная статья гласила: «По поселении вашем иметь ратушу, которую назвать католическим судом, и в нём производить суд и расправу по вашим правам и обыкновениям, выбираемыми из вас же по жребию начальниками» [17, л. 18]. В состав суда входили городской голова и три члена – заседатели. Один из заседателей считался его председателем. При суде были писарь и канцелярские служащие. Расходы армяно-католического суда брало на себя государство. В функции суда входили вопросы, связанные с благоустройством и развитием города, организацией торговли и ремесленного дела, промыслами и сбором налогов. Правомочность армяно-католического суда ограничивалась в пределах Карасубазара и не распространялась на армян-григориан, живущих здесь же. В 1803 году было образовано Карасубазарское духовное правление, которое ведало церковными делами крымских армян. После реформы 1861 года торговая деятельность карасубазарских армянских обществ, подведомственных суду, заметно расширится. В 1867 году армяне-

католики имели в городе 27 лавок с мелочными товарами, 8 лавок с красными товарами, 6 винных магазинов, 1 винный погреб, 2 водочных погреба, 2 табачные лавки, 1 магазин стройматериалов и 2 свечные лавки [18, л. 53-79]. Заметное место в карасубазарской торговле занимали и армяне-григориане, имевшие здесь же солидную колонию. Согласно имеющимся данным, в 1832 году они вложили в городскую торговлю 113500 рублей, не считая зажиточного торговца Погоса, открывшего в городе 16 торговых лавок [15, л. 8-12]. Значительное число армянских обществ Карасубазара составляли ремесленники, которые пользовались славой хороших мастеров. Среди ремесленников выделялись: булочники, пекари, ткачи, ювелиры, портные, маляры, парикмахеры, мыловары, мастера табачного дела, каменщики, сапожники и др.

Наряду с развитием ремёсел важное место занимало сельское хозяйство: садоводство, бахчеводство, табаководство, полеводство и, отчасти, шелководство. Имелись как крупные землевладельцы, так, наряду с ними, масса бедняцких семей, работавших в хозяйствах землевладельцев и их арендаторов.

Карасубазар сыграл свою роль в истории армян Крыма, как культурный очаг. Здесь в 1816 году по инициативе архимандрита Манвела Гюмушханеци была открыта первая армянская приходская школы в Крыму, в которой, начиная с 40-х годов XIX века учащиеся проходили 7 дисциплин: армянский и русский языки, закон божий, историю, арифметику, географию и дидактику. Эта армянская приходская школа функционировала вплоть до 1 мировой войны.

Немало карасубазарских армян оставили заметный след в истории Крыма и армянской культуре. В первую очередь хотелось бы отметить сына карасубазарского армянина, Казара Маркосовича Арцатагорцяна (Лазарь Маркович Серебряков), прошедшего путь от матроса до адмирала и сыгравшего заметную роль во время Крымской войны 1854-1855 годов. В рядах защитников Севастополя был и его сын – М. Л. Серебряков (прах которого ныне покоится на братском кладбище г. Севастополя). Имя Серебряковых находилось в с. Эфенди-Кой (ныне с. Зеленогорское Белогорского района).

Из карасубазарских армян вышел целый ряд известных представителей армянской культуры. Среди них композиторы А. Кахцацян, Хр. Кара-Мурза, А. Спендиарян.

Андреас Кахцацян, первый крымско-армянский композитор, родился в Карасубазаре в 1809 году в бедной армянской семье, но одарённому мальчику всё же удалось обучиться музыке. По окончании карасубазарской армянской школы он уже сам начал давать частные уроки. Заметив талант молодого гувернанта своих детей, караим Попович подарил ему фортепиано, которое было первым в Карасубазаре. Пройдя дальнейшее музыкальное обучение в г. Бердичеве, А. Кахцацян, в 1844 году возвратившись в Крым, развернул широкую музыкально-педагогическую деятельность в Карасубазаре, Севастополе и Симферополе. Его примеру последовали и другие карасубазарские армяне, пользующиеся славой хороших педагогов: Оваким и Микаэл Узуняны, Габриел, Карапет Ханбекян, Мелкон и Маркирос Налбандяны, Хр. Кара-Мурза и др [19, с. 41-42]. При жизни А. Кахцацяна было издано лишь одно его музыкальное произведение – «Синопский марш», посвящённый адмиралу П. С. Нахимову по случаю победы, одержанной над турецким флотом в Синопе. Марш впервые был исполнен под руководством самого автора в день, когда адмирал-триумфатор возвращался в Севастополь, где Кахцацян руководил военным оркестром [10, с. 216-217]. Скончался А. Кахцацян в 1856 году в Симферополе, где провёл последние годы жизни.

Христофор Кара-Мурза родился в 1854 году в Карасубазаре. Вопреки желанию отца сделать из него коммерсанта, Кара-Мурза, научившись игре на фортепиано, читать и писать ноты, с молодых лет посвятил себя музыке. Проживая в Карасубазаре до 1882 года, получив частные уроки по музыке и её теории, он организывает 4-х-голосые хоры, даёт концерты. Собирая духовные и народные песни, перелагая их на ноты, Хр. Кара-Мурза организовывал их полифоническое исполнение. В 1882 году он переехал в Закавказье, где создавал хоры, давал концерты, писал собственные музыкальные произведения. За 17 лет, с 1885 года до своей кончины в 1902 году «...Хр. Кара-Мурза успел в 47 городах организовать 90 хоров (каждый из них состоял от 40 до 150 членов), дать 248 концертов, написать и обработать 320 песен, создать 67 самостоятельных произведений...» [20, с. 98]. Организывая 4-х-голосые хоры, он вёл борьбу с воинствующим невежеством некоторых духовных лиц, которые, выступая против многоголосия, оправдывались: «...бог один, и голос должен быть один...», что мол «...четырёхголосье богонеугодно...» [21, с. 34]. Занимаясь в тяжёлых условиях пропагандой

народных песен, Хр. Кара-Мурза заложил основу армянской концертной культуры и тем самым «сообщил музыке общественно-политическую влиятельную силу и превратил её в мощный стимул художественного воспитания народа» [21, с. 87].

Александр Афанасьевич Спендиаров (Спендиарян) родился в 1871 году в г. Каховка Таврической губернии, но и он имеет непосредственное отношение к Карасубазару, где проживал в доме своего деда (дом Спендиаровых сохранился в Белогорске до сих пор). «Талант А. Спендиаряна в изобразительном и музыкальном искусстве проявился в раннем возрасте. Изготовленные 6-летним Александром бумажные птицы и животные были до того совершенны, что И. Айвазовский, частый гость их дома, забрал их с собой в Петербург для демонстрации в Академии художеств» [10, с. 212]. Но талантливый юноша избрал путь композитора, пройдя курс обучения у Н. С. Кленовского в Москве, а затем у Н. А. Римского-Корсакова в Петербурге. Он поддерживал самые тесные отношения с известными представителями русского классического музыкального искусства А. К. Глазуновым и А. К. Лядовым. Началом своей творческой жизни А. Спендиаров считал 5 июня 1900 года. В этот день впервые было исполнено принадлежащее ему крупное симфоническое произведение «Концертные прелюдии». Созданные им к этому периоду произведения в кругу профессиональных музыковедов Петербурга принесли ему славу «Восточного Глинки» [10, с. 209]. В 1901 году А. Спендиарян окончательно вернулся в Крым, но местом проживания избрал Ялту, а с 1915 года Судак. В трагический период резни и страданий в истории армянского народа (1915-1916 годы) А. Спендиарян, исполненный чувством глубокого патриотизма, пишет свою знаменитую оперу «Алмаст». В 1924 году по приглашению правительства Советской Армении композитор переехал в Ереван, где посвятил себя делу создания и развития национальной армянской культуры. В 1926 году ему было присвоено звание Народного артиста республики. Жизнь А. Спендиаряна оборвалась 7 мая 1928 года. Его имя носит Государственный Академический театр оперы и балета в Ереване.

В Карасубазаре неоднократно гостил и останавливался по дороге в Феодосию великий сын армянского народа *И. К. Айвазовский* (Оганез Константинович Айвазян). Его художественное наследие вошло в золотой фонд мирового искусства.

Известный скрипач того времени *Ованес Налбандян* (1871-1942 годы) многократно посещал Карасубазар, где отдыхал у друзей, выступал с концертными программами, совершенствовал своё исполнительское мастерство.

Из материалов данной статьи можно сделать вывод, что карасубазарские армяне сыграли большую роль не только в торговой, экономической, культурной жизни Крыма, но и оставили яркий неизгладимый след в истории Таврических армян нового времени.

Список литературы

1. М. Бжишкян. Путешествие в Польшу и другие страны, населённые армянами. – Венеция, 1830.
2. Гольдшмидт И. А. Каффа – генуэзская колония в Крыму в конце XIII – первой половине XV вв. Диссертация на соискание ученой степени к. и. н. (рукопись). – 1952.
3. Памятные записи армянских рукописей XIV в.
4. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова. – Ч. II. – СПб, 1805.
5. Матенадаран. Рукопись № 3411.
6. Матенадаран. Рукопись № 7442.
7. ЗООИД. - Т. 2.
8. Киевская старина. – 1889, № 25.
9. Матенадаран. Рукопись № 2939.
10. Микаелян В. А. История крымских армян. – Ереван-Симферополь, 2004.
11. Матенадаран. см. «Именной алфавитный хронологический список писцов».
12. Маркевич А. Переселение греков и армян из Крыма в Екатеринославскую губернию в 1778 г.//Екатеринославские губернские ведомости. – 1872, № 16.
13. Присоединение Крыма к России. Т. II.
14. ЦГИА РФ, Ф.1286, оп. 1, д. 46.
15. ГААРК, Ф.169, оп.1, д. 96.
16. ГААРК, Ф.27, оп.7, д. 1355.
17. ЦГИА РФ, Ф. 1152, 1840 г., д. 129.
18. ГААРК, Ф. 179, оп.1, д. 326.
19. Базмавеп. – 1881.
20. Карапетян А. Христофор Кара-Мурза. – Тифлис, 1904.
21. Керлемазян Р. Христофор Кара-Мурза. – Вена, 1925.

*Доктор искусствоведения Эмма Корхмазян
(Ереван, Матенадаран)*

О ФРЕСКЕ ХРАМА ТРЕХ ВСАДНИКОВ В ЭСКИ-КЕРМЕНЕ

В юго-западной части Крымского полуострова, недалеко от Мангупа (в средневековье – Феодоро, бывшего центра одноименного княжества), в городке Эски-Кермен, входившего в пределы указанного княжества, сохранился небольшой пещерный храм, украшенный фреской с изображением трех святых воинов на конях, в воинских доспехах, со щитами и копьями, головы воинов окружены нимбами. Фреска эта и дала название церкви, известной как Храм трех всадников. Обстоятельное исследование фресок Крымского полуострова было проведено О. И. Домбровским [1]. И церковь, и украшающие ее фрески датируются началом XIII века. Н. И. Репников, проводивший в 1928-1929 годах археологическое исследование Эски-Кермена, на труд которого ссылался О. И. Домбровский, видел в свое время в греческой, плохо сохранившейся надписи на фреске начало даты – 12.. (цифры второго и первого разрядов были стерты) [1, с. 34; 2, с. 108]. «Сама роспись, – писал О. И. Домбровский, – характерна для XIII в. как своим общим духом, так и различными аксессуарами (форма и орнаментация седел, попон, сбруи, стремян, детали одежды и доспехов, закрученные в узлы хвосты коней, их подковы и постриженные гривы)» [1, с. 36]. Фреска выполнена профессиональным мастером и стилистически вписывается в круг византийских памятников изобразительного искусства указанного времени – обстоятельство уже отмеченное специалистами [1, с. 38; 3, с. 15; 4, с. 101]. Из трех представленных на фреске воинов уточнено имя лишь среднего святого воина, поражающего копьём дракона – так обычно изображался св. Георгий Победоносец. Два других воина не идентифицированы и мы попытаемся их определить.

Первый всадник представлен с фигурой мальчика на крупе его лошади. О.И.Домбровский высказал предположение, что изображение мальчика «не имеет непосредственного отношения к деяниям самого святого», возможно это «просто паж, фигура довольно обычная во всей средневековой Европе», либо он связан «с детским захоронением, имеющимся в храме» [1, с. 39].

Подобное предположение явилось следствием того, что в русской житийной литературе отсутствует сказание о святом воине Саргисе (Сергии) и его сыне Мартиросе, получивших большую популярность именно в Армении. Согласно армянской житийной литературе, Саргис был ромейским князем и военачальником, а также ревностным христианином во времена императора Константина (IV век). С приходом к власти Юлиана-отступника, когда вновь возобновились гонения на христиан, Саргис со своим сыном Мартиросом и отрядом верных воинов удалился на Восток. Сперва он пытался найти приют в Армении, но узнав о готовящемся туда походе Юлиана, Саргис со своим отрядом перебрался в Персию и поступил на службу в войско царя Шапуха. Сначала ему сопутствовала удача – он снискал там славу талантливого военачальника. Однако вскоре за проповедь христианства среди персидских воинов и отказ изменить своей вере, Саргис вместе со своим сыном Мартиросом принял мученическую смерть [5, с. 346].

Согласно преданию, в конце IV века стараниями Месропа Маштоца останки св. Саргиса были перевезены в Армению, первоначально в селение Карби, а затем он «с почестями перевез (их) в Уши и построил в том месте монастырь знаменитый, который есть и по сей день...» [6, с. 21].

Нам представляется, что имя сына Саргиса – Мартирос, появившееся в армянском варианте жития этого святого, являлось первоначально эпитетом св. Саргиса, принявшего мученическую смерть – при переводе с греческого слово *Martiros* (Мученик) было воспринято в армянской среде в качестве собственного имени. Видимо, это обстоятельство повлияло как на обогащение армянского текста Жития новыми сказаниями, связанными с деятельностью сына Саргиса Мартироса, так и на иконографию изображений св. Саргиса. Он стал представляться в

виде всадника со своим сыном Мартиросом, сидящим на крупе его лошади.¹ Данная иконография становится устойчивой и характерна для изображений этого святого, встречающихся как в памятниках живописи (в миниатюрах и росписях), так и скульптуры. Это позволяет определять не только имя изображенного святого воина, но в ряде случаев уточнять важные данные, касающиеся конфессиональной принадлежности памятника, особенно если таковой находится вне пределов Армении.

Житие святого воина Саргиса (Сергиоса) было известно и в греческой и в грузинской среде, однако совершенно в ином плане. Он не был признан православной церковью в качестве святого и сказания о нем нашли место в основном в церковной обличительной литературе, направленной против армян и появившейся вскоре после церковного раскола в VII веке, когда армянская церковь отделилась от православной. Л. Меликсет-Беков, посвятивший этому вопросу отдельную статью, пишет, что греки не только не приняли и не принимают Саргиса за мученика, но «даже причислили его к категории ересиархов и всячески проклинают» [7, с. 73-111].

Праздник святого воина Саргиса отмечается армянской церковью в последнюю после поста «Араджавор» субботу, в конце января или в начале февраля.² У армян есть поверье, что св. Саргис в течении всего пятидневного поста «Араджавор» подымает страшную метель, чтобы задушить неверующих в него. Греческая версия этого поверья содержит обвинение Саргиса в похищении византийской царевны и в умерщвлении приближенных царя, пытавшихся ее освободить. Согласно же грузинской версии, метелью, которую поднял Саргис, была задушена грузинская новобрачная чета [7, с. 73-111].

Исходя из приведенных данных, можно заключить, что изображение св. Саргиса и его сына Мартироса могло появиться на фреске храма Трех всадников лишь в том случае, если бы она создавалась в определенной армянской среде. А подобная среда там действительно существовала.

Городок Эски-Кермен входил в состав княжества Феодоро, находившегося на месте древнего поселения Дорос. Оно было основано во второй половине XII века и во главе его были представители известного трапезундского княжеского рода армянского происхождения – Гаврасы-Тарониты.³ В конце XI – начале XII веков они возглавили борьбу с Византийской империей за независимость Трапезунда. Среди представителей этого рода особенно известными были Феодор, Григорий (Григор) и Константин.⁴ Феодор был родом из Халдии (Хахтик) – одной из областей армянской провинции Бардзр Хайк (Высокая Армения). При Алексее Комнине он был назначен дукой Трапезунда, который ему удалось освободить от власти турок и сделаться его независимым владетелем. Однако в дальнейшем он попал в плен к туркам и в городе Феодосиополе (Карине), находившемся тогда в руках турок, принял мученическую смерть в 1098 году. Останки его были перевезены в Трапезунд и торжественно погребены, когда там правил племянник (некоторые полагают сын) Феодора – Константин. Феодор, «прекрасный воин и опытный полководец», как называет его Анна Комнин, бывший также ревностным христианином, был объявлен святым мучеником Феодором Трапезундским и вошел в число святых мучеников Византийской церкви.⁵

¹ Самое раннее сохранившееся изображение св. Саргиса с сыном Мартиросом сохранилось в росписи VII века в церкви Кармравор в Ашгараке.

² Слово «араджавор» означает «предваряющий», «предшествующий». Этот пост отмечается за три недели до великого поста. Применительно к практике армянской церкви, он совпадает с праздником, установленным в честь св. Саргиса, ввиду чего «араджаворский» пост часто называют постом «св.Саргиса» [см. 7, с. 110].

³ А. Васильев приводит данные из Повествования Анны Комнин, согласно которым Гаврасы именовались также князьями Таронитами, что связано, видимо, с родством этих двух родов [8, с. 276-281]. В обстоятельном исследовании этих родов Р. Бартикяна имеются данные о том, что один из видных представителей рода Гаврасов, Феодор, был женат на представительнице другого, также весьма видного и значительного аристократического рода – Таронитов [9, с. 163-178]. А. П. Каждан сомневается в отождествлении этих двух родов и помещает данные о них раздельно [10, с. 17, 89]. Однако А. Л. Якобсон уже без сомнений пишет о княжестве Феодоро, владетелями которого «были видные византийские деятели Гаврасы из армянского рода Гаврасов-Таронитов, получившие в свое время в удел Трапезунд» [11, с. 82].

⁴ История рода Гаврасов изложена нами на основе исследований, указанных в сноске 3. Наиболее подробные сведения о них дает в своем труде Р. Бартикян, однако он рассматривает данные, касающиеся Гаврасов, в основном на территории фемы Халдия и в завоеванных сельджуками районах Малой Азии и Западной Армении.

⁵ Армяне, подвизавшиеся в пределах Византийской империи, были преимущественно халкидонитами, т.е. примыкали не к национальной апостольской церкви, но к греческому православию. Начиная с IV века, как известно, созывались вселенские соборы. Постановления первых трех Вселенских соборов были приняты армянской церковью. Но, начиная с четвертого, Халкидонского собора (451 год), на котором в очередной раз утвердились

Упомянутый выше Константин во второй половине XII в. принял участие в заговоре против византийского императора. Заговор был раскрыт, а участники его отправлены в изгнание. По этому поводу А. Васильев писал: «Обычным местом ссылки опасных (для Византийской империи – Э. К.) политических преступников являлся Крым. Оказавшись в Крыму, Константин Гаврас перенес туда врожденное стремление его фамилии к борьбе с Византией, добился там определенного влияния именно в Готии» [8, с. 280]. Здесь, на территории Дороса, он основал новое княжество, назвав его Феодоро, с целью увековечения памяти своего выдающегося родственника – святого Феодора Трапезундского.

Принимая во внимание все вышеизложенное, не лишено основания выдвигаемое нами предположение, что третий анонимный святой воин на фреске храма Трех всадников в Эски-Кермене, входившего, как известно, в пределы княжества Феодоро и расположенного неподалеку от одноименного центра этого княжества, вполне может быть святым воином Феодором Трапезундским.

Армяне восточных провинций Византийской империи, примыкавшие к греческому православию, находились в сфере влияния византийской культуры и неудивительно, что создававшиеся ими там памятники искусства выполнялись либо по греческим образцам, либо приглашавшимися греческими мастерами.⁶

На территории юго-западного Крыма и до этого жили армяне. Немало трапезундских армян последовало и за Константином Гаврасом. Однако здесь не была многолюдная армянская колония, как в юго-восточном Крыму. Состоявшие преимущественно из армян-халкидонитов, они постепенно слились здесь с греками. Фамилия армянских Гаврасов получила распространение и в среде греков. От армянских Гаврасов произошла и фамилия русских Ховриных, большая часть которых в XIV века переехала в Москву [8, с. 280].

В истории остаются имена лишь выдающихся политических деятелей, представителей высшей знати. История армянского патриция Вардана Филиппика, поднявшего в Херсонесе в начале VIII века восстание против Юстиниана II и сумевшего занять византийский трон, умалчивает об его окружении, в котором несомненно должны были быть и его соплеменники. В изложенной выше истории армянского княжеского рода Гаврасов-Таронитов также отсутствуют данные об их окружении. По этому поводу Р. Бартикян заметил, что выдающиеся полководцы и общественные деятели из армян на службе в Византийской империи всегда опирались на войска, состоявшие преимущественно из армян, а также на население армянских областей, входивших в пределы Византийской империи. Одним из свидетельств наличия армянской среды, на которую могли опираться князья Гаврасы, является фреска в храме Трех всадников в Эски-Кермене, на которой двое из изображенных святых воинов связаны с верованиями и сказаниями, бытовавшими именно в этой среде.

Армяне жили там по соседству с готами, греками, евреями, караимами и др. вплоть до татарского завоевания, когда особенно пострадали юго-западные районы Крыма. Впоследствии, в конце XIV в. жизнь здесь вновь стала оживать. В это время правителем уже небольшого княжества Феодоро был князь Алексей, предками которого были известные нам Гаврасы-Тарониты [15, с. 330]. При нем были построены новые крепостные стены и башни, сохранившиеся и по сей день, а также дворец, от которого дошли до нас лишь основания стен.

Княжество Феодоро окончательно прекратило свое существование после захвата Крыма турками в 1475 году.

Список литературы

1. Домбровский О. Фрески средневекового Крыма. – Киев, 1966.

догматы христианского вероучения, произошел раскол. В основе разногласий между византийской и восточными церквами, в том числе и армянской, помимо догматических споров о природе Христа и символе веры, были и проблемы политического характера, отчего эти споры приобрели оттенок «национального сопротивления византийскому церковному и политическому владычеству в Египте, Сирии и Армении» [12, с. 223-236]. Армяне, признавшие постановления Халкидонского собора стали называться халкидонитами [13].

⁶ С подобным явлением мы встречаемся и в юго-восточном Крыму, где была большая армянская колония. Так в Кафе, на Феодосийском Карантине, сохранилась церковь св. Стефана, построенная там армянами в первой половине XV века. Церковь украшена фресками, в исполнении которых приняли участие греческие художники [14, с. 104-105].

2. Репников Н. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928-1929 гг., – Готский сборник, «Известия Государственной Академии истории материальной культуры». – Т. XII. – 1932.
3. Крикун Е. Архитектурные памятники Крыма. – Симферополь, 1977.
4. Якобсон А. Средневековый Крым. – Л., 1964.
5. ՊՇնն ան Իսթ Սուրբ Գրիգորի, Իսթ Սուրբ Գրիգորի, 1730, չջ 346 (Книга, называемая Синаксарь, Константинополь, 1730).
6. Ս. Գրիգորի, Գրիգորի Երևանի, 2005, չջ 21 (Бабаян Ф. Монастырь св. Саргиса в Уши. – Ереван, 2005).
7. Меликсет-Беков Л. Грузинский извод сказания о посте «Араджавор», «Христианский Восток». – Т. V, выпуск 2. – СПб, 1916.
8. Васильев А. Готы в Крыму, «Известия Гос. Академии истории материальной культуры». – Т. V. – 1927.
9. Бартикян Р. О византийской аристократической семье Гаврас//Историко-филологический журнал. – 1987, № 3, с. 190-200; № 4, с. 181-193; 1988, № 1, с. 163-178.
10. Каждан А. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI-XII вв. – Ереван.
11. Якобсон А. Крым в средние века. – М., 1973.
12. Мейендорф М. Халкидониты и монофизиты после Халкидона//Вестник русского и западноевропейского патриаршего экзархата. – № 52. – Париж, 1965.
13. Арутюнова-Фиданян В. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи. – Ереван, 1980.
14. Корхмязян Э. Армянская миниатюра Крыма. – Ереван, 1978.
15. Тиханова М. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма//Материалы по археологии юго-западного Крыма. – М.-Л., 1953.

В. В. Майко, А. В. Джанов, А. М. Фарбей (Судак)

АРМЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО СУДАКА

Как известно, массовое переселение армян на северный берег Черного моря началось в 30-50-е годы XIII века после начала монгольского вторжения в Закавказье. Появление армянских переселенцев в Судаке относится к последней четверти XIII века, что доказывается одной заметкой на полях Сугдейского Синаксаря, датированной 1292 годом, где отмечается факт «неправильной» армянской Пасхи [11, р. 126, № 80].

Одним из наиболее ярких армянских памятников средневекового города является храм, расположенный на участке куртины XV Судакской крепости (рис. 1, 1)¹. Обнаружен он был Судакской археологической экспедицией под руководством И. А. Баранова в 1988 году и полностью раскопан в 1989-1990 годах. К сожалению, материалы раскопок храма не были введены в научный оборот, что делает данную работу актуальной. Современный облик храма формировался длительное время.

К первому строительному периоду относится однефная часовня с циркульной абсидой внутри храма и пятигранной – с внешней стороны (рис. 2-4). Размер часовни 7.7 x 4.2 м при высоте стен от уровня древней дневной поверхности до 1.5 м. Стены сложены в два панциря из хорошо обработанных блоков сланца и песчаника на белом известковом растворе с наполнителем из крупного песка. Судя по наличию большого количества клинчатых камней из капсельского известняка, храм был перекрыт коробовым сводом с подпружными арками. О наличии последних свидетельствуют находки прямоугольных блоков с пазами. Дверной проем шириной 0.7 м, находился в центре западной торцевой стены и был сложен из известняковых блоков. По мнению автора раскопок И. А. Баранова [3, с. 7], с внешней стороны перед дверями находились декоративные колонки, увенчанные аркой из капсельской ракушки. Часть арки, украшенная «плетенкой», была обнаружена при раскопках внутри проема на уровне порога.

Внутренний интерьер храма сохранился достаточно полно. В глубине абсиды по ее оси находился вертикально поставленный блок известняка с пятью чашевидными углублениями для установки престола. В северной и южной стенах у плечей храма имелось по одной нише шириной 1.0 м. По мнению автора раскопок, они использовались как жертвенник и дяконник

¹ Фотографии храма, считающегося одним из наиболее ярких примеров армянского зодчества в Судаке и входящего в экскурсионный маршрут по Судакской крепости, неоднократно публиковались в различных фотоальбомах, путеводителях и другой научно-популярной литературе. Среди последних изданий [1, с. 88].

[3, с. 8]. Стены часовни, конха и свод были покрыты полихромными фресками. Фрагменты фресок сохранились под завалом свода храма и на отдельных блоках.

Заполнение нефа храма представляет собой засыпь, связанную с постепенным разрушением постройки. Слой толщиной 1.5 м насыщен бутом, известняковыми камнями от свода и продуктом разрушения известкового раствора. Находки в засыпи нефа единичны и представлены фрагментами красноглиняной кухонной и столовой керамики и фрагментами поливных сосудов XIV-XV вв. Тарелки и блюда на кольцевом поддоне из красной глины и орнаментом «сграффито» под желтой, зеленой и коричневой поливкой с пятнами подглазурной подкраски и орнаментом «сграффито». Преобладает геометрический орнамент, выполненный толстыми и тонкими врезными линиями. Встречены и два поддона с сюжетными изображениями птиц. В верхней части засыпи обнаружены и единичные находки более позднего времени – XVII-XVIII вв.

Второй строительный период непосредственно связан с деятельностью армянской общины Судака. К этому периоду относится прямоугольный гавит, неправильной формы пристроенный к западной стене храма (рис. 2-4). Его стены толщиной 0.6-0.7 м сложены на глине из бута. Кладка двупанцирная небрежная. Длина северной стены 5.0 м, западной – 6.5 м, южной – 6.2 м. Дверной проем находился в западной стене гавита. От него сохранились три каменные ступени, начинавшиеся на высоте 0.5 м от уровня первоначального пола. Для выравнивания уровней в храме и гавите, пол последнего был впущен в современную строителям дневную поверхность на глубину 0.5 м. Судя по характеру кладки, гавит был открытым. Внутри гавита в северо-восточном и юго-западном углах были сооружены каменные плитовые гробницы, перекрывавшиеся плитами. В момент раскопок плиты перекрытия были разбиты и находились внутри гробниц. Под ними обнаружены отдельные кости от разрушенных костяков. У северо-восточной гробницы в полу на глубине 0.3 м зачищена грунтовая могила прямоугольной формы.

Засыпь заполнения гавита представляет собой слой серо-коричневого грунта, толщиной до 1.0 м, насыщенного бутом и бытовым мусором. Состав материала тот же, что и в нефе. Однако, количество находок в заполнении гавита значительно выше. Керамика представлена фрагментами красноглиняных гладкостенных столовых кувшинов с плоскими ручками, часть из которых украшена росписью белым ангобом, фрагментами оранжево и красноглиняных амфор Константинопольского производства с дуговидными ручками и фрагментами поливной керамики, аналогичной заполнению нефа. Интерес представляет фрагмент дна красноглиняной поливной тарелки на кольцевом поддоне с подглазурной монограммой. Засыпь гавита датируется тем же временем, что и слой разрушения в храме. Вероятно, комплекс начал разрушаться не ранее XVII в.

В течение второго строительного периода значительные изменения претерпел и первоначальный храм. Вертикально поставленный блок известняка для установки престола был вмонтирован в кладку, возведенную на высоту 0.8 м. Верхняя часть этой кладки была оштукатурена и служила, вероятно, престолом. На расстоянии 0.2 м от плечевых выступов были установлены две симметричные плиты, поставленные на ребро, служившие алтарной преградой. Вдоль северной, южной и западной стен внутри часовни были сооружены каменные скамьи, шириной 0.3 м. Ниши, использовавшиеся для жертвенника и дяконника, были заложены. В юго-западном углу над скамьей поверх штукатурки тонкой линией нанесено сграффито в виде двух сильно стилизованных парусных кораблей и двух крестов. При позднейших перестройках пол в алтарной части был поднят на высоту 0.4 м. Таким образом, престольный камень и заклад алтаря оказались на 0.4 м выше уровня первоначального пола. Сохранившиеся плиты пола нефа были уложены на земляную подсыпку. В юго-западном углу храма на глубине 0.2-0.4 м были зачищены остатки плит перекрытия двух предшествующих полов [4, с. 12]. Под плитами перекрытия нефа на глубине 0.4 м возле северной стены обнаружена створка бронзового литого навершия в виде втулки и яблока от посоха (рис. 5, 1). Там же найдена лампада из коричневой глины с золотистыми блестками (рис. 5, 2), подвеска в виде вилки (рис. 5, 3), литые бронзовые пуговицы (рис. 5, 4-6) и две группы пастовых бус (рис. 5, 7-9). К сожалению, все находки не имеют узких хронологических рамок бытования.

На расстоянии 0,4 м от северной стены храма в 1991 году была исследована прямоугольной формы постройка [5, с. 32-37] (рис. 3, 3). Ориентирована она по оси северо-запад – юго-восток под углом около 12° по отношению к храму и 4-5° по отношению к его гавиту. Сохранились только южная и восточная стены сооружения, сложенные из бутового

камня на глине. В северной части восточная стена разрезала первоначальную позднеантичную крепостную стену и была пристроена к крепостной стене гетуэзского времени. В южной стене, сохранившейся частично, на расстоянии 3.23 м от юго-восточного угла зачищен дверной проем шириной 1,04 м. Заполнение постройки представляет собой засыпь насыщенную продуктами разрушения самого дома и храмового комплекса. Находки малочисленны и по составу аналогичны керамическому комплексу храма и гавита. В юго-восточном углу дома зафиксированы остатки деревянного перекрытия – в виде двух брусьев. Один из них располагался диагонально между северо-восточным и юго-западным углами постройки. Другой брус расположен параллельно восточной стене. Не исключено, что это остатки межэтажного перекрытия. Восточная стена сооружения перекрыла крупную плитовую могилу с полуокружием в западной части. При этом плиты перекрытия могилы вошли в конструкцию восточной стены. Вероятнее всего, данная постройка синхронна времени сооружения гавита и могла служить домом настоятеля храма.

Одновременно с раскопками храмового комплекса в 1985-1990 годах с его восточной и северной стороны было проведено изучение и прихрамового некрополя (рис. 6). Некрополь был отделен от жилой застройки каменной оградой. Северный, наиболее ранний участок этого некрополя был открыт И. А. Барановым в 1985 году между двумя параллельными кладками, принятыми автором исследований за остатки башни. Было раскопано 4 плитовых и 2 грунтовых могилы. В 1988 году было раскопано 4 погребения и 3 могилы на территории гавита храма, в 1990 – 25 могил и каменный склеп, а в 1991 – еще 4 погребения. Таким образом, за все годы исследований было раскопано 42 погребения и один склеп [7, с. 231-246]. Совершенно очевидно, что некрополь существовал длительное время. Его возникновение помогает определить многочисленный погребальный инвентарь, обнаруженный в захоронениях, изученных в 1985 году. Находки бронзовых и серебряных монет позволяют считать, что некрополь возник во второй половине – конце XIII века еще до строительства самой церкви. Об этом свидетельствует плитовое погребение 41, обнаруженное под апсидой храма [7, с. 243, рис. 155]. Косвенно судить о нижней дате некрополя позволяет и находка верхней створки бронзового энколпиона киевского производства второй четверти XIII века, относящегося к т. н. энколпионам с мелким изображением распятия и обратными (зеркальными) славянскими надписями [7, с. 241, рис. 153, 11]. Однако, совершенно очевидно, что энколпион не синхронен погребению.

Основная масса изученных в 1988 и 1990/91 годах погребений верхнего яруса некрополя синхронно времени возведения гавита и функционирования храма и относится к концу XIV – первой половине XV веков. В пользу этого свидетельствуют нумизматические находки, сделанные в могиле 21 (кошелек с 11 аспрами второй четверти XV века), а также нательные серебряные крестики, обнаруженные в могилах 18 и 24 (рис. 7, 1,2). Типологически близкий экземпляр происходит из захоронения 1 некрополя возле храма, изученного в 1993 году в портовой части Сугдеи (рис. 7, 3). Там он входил в состав ожерелья с серебряными дирхемами первой четверти XV века. Сама форма подобного нательного креста встречается как на армянских хачкарах [10, р. 162, № 45; р. 163, № 47], так и нательных крестах начиная с X-XI веков. [10, р. 222, № 97]. Некрополь продолжал функционировать и в более позднее время, очевидно, в XVI-XVII веках.

Вероятнее всего, первоначальный храм возникает во второй половине XIII – первой половине XIV вв. Это типичный для юго-восточного Крыма тип византийского храма. В первой четверти XV века происходит его капитальная перестройка, и, вероятно, сооружается гавит. Только с этого времени в качестве армянского храма сооружение функционирует весь период позднего средневековья. Время его окончательного запустения установить сложно.

Вероятно, с армянской общиной Судака был связан и небольшой храм, исследованный в портовой части Судакской крепости в 1993 году (рис. 8, 1) [7, с. 227-231]. Сохранилась кладка абсиды однефного храма, сложенная из бута на известковом растворе. От остальных стен остались вырубки в скале, позволяющие реконструировать план объекта. Среди погребений прихрамового некрополя, а их раскопано 3 плитовые, 2 грунтовые и каменный склеп, выделяется захоронение № 2 (рис. 8, 2). Оно расположено в 1.05 м к югу от подпорной стены храма, рядом с могилой 1. Сложено из плиток сланца на известковом растворе с полуокружием в западной части. Могила была полностью ограблена в древности. Костяк не сохранился. Очевидно, именно в перекрытии этой могилы находился армянский хачкар (рис. 8). Судя по погребальному инвентарю, происходящему, прежде всего, из грунтовой могилы 5, некрополь,

как и сам храм, может датироваться в рамках XIV-XV вв.

Уникальная находка была сделана М. А. Фронджуло в 1971 году при раскопках башни Якобо Торселло 1385 года в слое, датированном второй половиной XV века. Это бронзовое втульчатое навершие, состоящее из ажурной плоской и объемной частей [9, с. 342; 2, с. 87; 6, с. 20] (рис. 9). Верхняя плоская часть имеет вид круга с округло-зубчатой каймой, дополненной круглыми и треугольными прорезями. В этот круг вписан равноконечный с расширяющимися концами мальтийский крест. В центре круга имеется небольшой напаянный кружок. По середине каждого из ветвей креста расположены круглые гнезда для камней инкрустации. Коническая втулка сверху завершается полым шаром, состоящим из двух спаянных полусфер. Совершенно аналогичное навершие находится в коллекции Музея святого Престола в Эчмиадзине. Происходит из раскопок, предположительно Ани 1892-1893 годов и так же предположительно датируется в рамках XI-XII веков [10, с. 218, № 93]. Подобные навершия, носящие некоторые черты подражаний западноевропейским изделиям, служили в качестве навершия посоха церковного деятеля высокого ранга.

Не меньший интерес для юго-восточного Крыма представляет и находка модели храма, изготовленная из белого инкерманского известняка (рис. 10). Модель была обнаружена в 1990 году туристами, вероятно в отвалах из раскопок храма. Ее высота 11.0 см при ширине основания 5.4 и длине 7.7 см. Храм однефный с пятигранной абсидой, поставленной на полуциркульное основание. Храм увенчан высоким барабаном с небольшим уплощенным куполом, в центре которого просверлено отверстие, возможно, для установки свечи. В барабане, алтаре и двух продольных стенах намечены окна, а в западной стене – двустворчатая дверь. В основании модели вырезана форма круглого медальона, диаметром 3.6 см с ушком и крестом в обрамлении маленьких шариков.

Традиция изготовления моделей культовых зданий получает распространение в Армении с середины XI века [10, с. 140] (при этом известны уникальные экземпляры и более раннего времени [10, с. 84, № 17]). Коллекция подобных изделий наиболее полно представлена в Ереванском Музее истории Армении [10, с. 140-142, № 38,39]. Среди них интересна модель, обнаруженная в ходе раскопок Н. Марра в Ани в 1892-1893 или 1904-1917 годах [10, с. 142, № 40] (рис. 11, 1). Практически полное совпадение архитектурных элементов моделей храмов видна невооруженным глазом (рис. 11). На экземпляре из Судака в основании модели вырезано круглое углубление. Функциональное назначение подобных моделей остается до конца не выясненным. Большинство специалистов склоняется к тому, что эти изделия использовались скорее как мощехранилища, а не как литейные формы [10, с. 142]. Археологический контекст находки модели из Ани до конца не ясен и изделие датируется в широких хронологических рамках XI-XIII веков.

О существовании в догенуэзское время на территории Судака армянского некрополя свидетельствуют и находки армянских хачкаров, использовавшихся не только как строительный материал лигурийцами, но и служивших, вероятно, для украшения тех или иных фортификационных объектов. Один хачкар с шестистрочной надписью был обнаружен в кладке стены безымянной башни № 5 в 1981 году при проведении реставрационных работ (рис. 12, 1). Точное местоположение хачкара в кладке осталось не выясненным. Второй хачкар [8, с. 77], хорошо известный всем посетителям Судакской крепости и ныне украшает фасад западной стены привратной башни Бернабо ди Франки ди Пагано (рис. 12, 2).

После 1475 года Судак, находившийся под властью Османской империи, стал центром судебно-административного округа – кадылыка, простиравшегося по южному побережью Чёрного моря до Алушты включительно. Население Судака не было истреблено полностью во время захвата города турками. Османская перепись населения 1542 года регистрирует процентное соотношение основных этнических групп городского населения Судака. В городе проживало 240 греческих, 27 армянских и 24 мусульманские семьи. Из общего числа жителей армяне составляют около 15 %. По всей видимости, уже с начала переселения армян на Крымский полуостров сложилась устойчивая тенденция к размещению переселенцев по большей части в городах, где они занимались ремеслом и торговлей. Во всяком случае, по Османской переписи середины XVI века не зафиксировано армянских жителей в сельской местности Судацкого кадылыка. Вместе с тем, многочисленные армянские сельские поселения известны на северном склоне восточной части Крымских гор от Старого Крыма до Карасубазара. Эти территории с XIII века непосредственно входили в состав Крымского улуса Золотой Орды, а затем Крымского ханства. Вероятно, в данном случае сказывалось отсутствие

свободной для обработки земли на Южном берегу Крыма. Следует отметить, что южнобережье Крыма до 1475 года подчинялось коммуне Генуи, которая оказывала протекцию армяно-униатам. Резиденция армяно-католического епископа находилась в генуэзской Каффе. Армяно-григорианская же иерархия с центром в монастыре Сурб-Хач и переселенцы, поддерживавшие ее, сосредоточены были на территории Крымского улуса Золотой Орды.

Список литературы

1. Крым. Армяне. Десять веков созидания. Фотоальбом. – 2-е изд. - К., 2008.
2. Баранов И. А. Главные ворота средневековой Солдайи // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. – К., 1988.
3. Баранов И. А. Отчет об археологических исследованиях в Судакской крепости и на мысе Ай-Фока в 1989 г. // Архив музея «Судакская крепость» Национального заповедника «София Киевская».
4. Баранов И. А. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости и на мысе Ай-Фока близ пос. Морское в 1990 г. // Архив музея «Судакская крепость» Национального заповедника «София Киевская».
5. Баранов И. А., Майко В. В. Отчет об археологических раскопках в Судакской крепости в 1991 г. // Архив музея «Судакская крепость» Национального заповедника «София Киевская».
6. Бочаров С. Г., Джанов А. В. Предметы вооружения 14-15 вв. из генуэзских городов Восточного Крыма // Оръжието и снаряжението през късната античност и средновековието IV-XV вв. Резюмега.-Варна, 2000.- С. 19-20.
7. Майко В. В. Средневековые некрополи Судакской долины. – К., 2007.
8. Скржинская Е. Ч. Судакская крепость. История-археология-эпиграфика. – К.-Судак-СПб., 2006.
9. Фронджуло М. А. Раскопки в Судаке // АО 1972 года. – М., 1973. – С. 341-342.
10. Armenia sacra. Mémoire chrétienne des Arméniens (IVe-XVIIIe siècle).-Musée du Louvre editions.
11. Nustazopoúlou M.G. `Н τῶν Taurikí Cerson»sJ pòlij Sougda...a ερῶ τοὰ IG/ mšcri toὰ IE/ a,,inoj. -'AqĀnai, 1965.

Список иллюстраций

- Рис. 1. Месторасположение рассматриваемых армянских памятников на территории средневекового Судака.
1 - храм на участке куртины XV; 2 - храм 1993 г. в портовой части; 3 - башня Бернабо ди Франки ди Пагано; 4 - безымянная башня № 5; 5 - башня Якобо Торселло.
- Рис. 2. План храма на участке куртины XV Судакской крепости.
- Рис. 3. Общий вид храма на участке куртины XV Судакской крепости.
1 - храм; 2 - гавит; 3 - дом (настоятеля?) к северу от храма.
- Рис. 4. Общий вид храма на участке куртины XV Судакской крепости с запада.
- Рис. 5. Навершие посоха и индивидуальные находки из заполнения нефа.
- Рис. 6. План прихрамового некрополя на участке куртины XV Судакской крепости.
- Рис. 7. Серебряные нателные кресты из раскопок некропелей средневекового Судака.
1 - мог. 18 некрополя храма на участке куртины XV; 2 - мог. 24 некрополя храма на участке куртины XV; 3 - мог. 1 храма 1993 г. в портовой части Судака.
- Рис. 8. Храм в портовой части средневекового Судака. План храма и некрополя (1), план могилы 1 (2) и хачкар из ее перекрытия(?).
- Рис. 9. Бронзовые навершия из Ани (1) и башни Якобо Торселло 1385 г. в Судаке (2).
- Рис. 10. Модель храма из раскопок на участке куртины XV Судакской крепости.
- Рис. 11. Модели храмов из раскопок в Ани (1) и на участке куртины XV Судакской крепости (2).
- Рис. 12. Хачкары из кладок стен башен генуэзского времени.
1 - из кладки безымянной башни № 5; 2 - из кладки западной стены башни Бернабо ди Франки ди Пагано.

М. М. Чорэф (Бахчисарай)

ЦЕРКОВЬ БАХЧИСАРАЙСКОГО ДВОРЦА

Период истории Крыма с XI по XIII века, несмотря на длительные и плодотворные исследования, так и остался одним из наименее изученных. Дело даже не в ординарном отсутствии или в недоступности объективных письменных источников или в редкости археологического материала. Проблема состоит в том, что в XIII веке по полуострову неоднократно проносился смерч монголо-татарского нашествия, практически стерший с большей его части всякие следы существования прежних государственных образований. И

только в немногочисленных поздних хрониках сохранились скудные сведения о поселениях, разгромленных монголо-татарами в период завоевания Таврики.

Так, по свидетельству Утемиш-Хаджи ибн Маулана Мухаммад Досты, в долине современного Бахчисарая до середины XIII века существовал большой город, вернее всего христианский, называемый «Кырк-Йер» [14, с. 96]. По словам летописца, он был «мощной крепостью из гранита» [14, с. 96]. Город был захвачен войсками хана Шейбани в результате умело проложенного подкопа.

Как видим, хронист счел необходимым привести только эти сведения, к сожалению, недостаточные для освещения вопроса. Из его труда мы не узнали ни о дате возникновения поселения, ни о составе его населения. К сожалению, и современные историки не смогли осветить эти проблемы в своих трудах. Слабую проработку вопроса можно объяснить как недостаточным интересом исследователей к этнической истории средневекового Крыма, так и засильем ошибочных теорий. Например, сегодня принято считать, что Кырк-Йер, возникший уже в XIII веке, находился на мысе Чуфут-Кале, на котором, судя по результатам археологических исследований, одновременного городища не существовало [2, с. 75, 77].

Нами уже была предпринята попытка локализации этого поселения [15]. Изучив археологический и нумизматический материал, исследовав письменные источники, мы пришли к выводу, что его центр находился на территории позднего селения Эски-Юрт. Вернее всего, вскоре после покорения он был заселен принявшими ислам захватчиками. Нам известно, что пришельцы перестроили его. По свидетельству о. Иакова «Искиюрт от Бакчисараев с версту, церковь зело велика и украшена велми была, нынеж сделана мечетью, а кладут в нем крымстии цари и царевичи, а простые мурзы и татарове отнюдь не кладутся» [12, с. 691], а его «магометанский монастырь» и «татарские гробницы» были выстроены из «развалин христианских» [5, с. 345].

Однако из остатков культовых зданий были сооружены и «каменная мечеть и гробницы ханов», возведенные близ Ханского дворца [5, с. 345]. Как видим, в Бахчисарайской долине в домонгольский период существовало два значительных христианских культовых центра. И, если изучению истории Эски-Юрта уже многие исследователи уделили должное внимание, то, обследование домонгольских памятников, расположенных в районе Ханского дворца, до сих пор не проводилось.

Мы не считаем возможным проигнорировать эту проблему. Пользуясь разработанной методологией датирования поселения по культовым объектам, попытаемся выявить и атрибутировать известные христианские святыни, возведенные в средневековье на месте современного Бахчисарая.

Первым делом определимся с ранее выявленными исламскими религиозными центрами. Так, ныне принято считать, что древнейшим культовым объектом Кырк-Йера является мечеть, возведенная при Джанибеке (1342–1357) в 1346 году. Мы не считаем эту датировку обоснованной¹. А раз нам не известны мусульманские святыни XIII–XIV веков в восточной части Бахчисарайской долины и на плато Чуфут-Кале, и, в то же время, какие-то следы строений, однозначно приписываемые христианам, в этом районе сохранялись до конца XVI века, то имеем полное право считать, что в исторической части Бахчисарая еще в XIV веке проживало коренное население. Однако в конце XV – в начале XVI веков в результате миграции татар-мусульман этнический состав жителей восточных пригородов Кырк-Йера значительно изменился, что повлекло и перестройку прежде существовавших общественных и культовых центров.

Так как проведение широкомасштабного археологического исследования Бахчисарайской долины сегодня по объективным причинам невозможно, то ничего другого не остается, как выявлять и обследовать здания, которые могли быть возведены христианским населением

¹ Считаем, что обследование мечети Чуфут-Кале под руководством У. Боданинского и О. Акчокраклы было проведено из рук вон плохо. Поражают своей некомпетентностью авторские попытки датировки этого памятника. Как известно, в ходе работ было обнаружено множество резных блоков, на одном из которых хорошо сохранилась надпись в 746 г.х. Последний представлял собой квадрат, вмурованный в закладе входа здания [1, с. 168]. Этот блок ни по своей конфигурации, ни по содержанию текста, ни по месту обнаружения не мог быть закладным камнем. Возможно, исследователи нашли фрагмент надгробия. В любом случае, у нас нет ни малейших оснований датировать Чуфут-Калинскую мечеть 1346 годом. Примечательно, что и Б. Н. Засыпкин не рискнул безоглядно учесть при датировке этого памятника гипотезу бахчисарайских археологов. Исследователь отнес сооружение мечети к XIV веку [3, с. 178].

Кирк-Йера. Одно из таких сооружений сохранилось на территории Бахчисарайского дворца-музея. Это т. н. «Малая дворцовая мечеть».

Уже первые исследователи Крыма, описывавшие бывшую ханскую резиденцию, обращали внимание на купольное сооружение, вытянутое по линии запад-восток, и находящееся южнее Зала Дивана (Рис. 1). Так, П. И. Сумароков заключил, что комплекс помещений первого этажа, расположенных под парадными залами «есть ничто иное, как смешение погребов, кладовых с несколькими притом горницами» [13, с. 133]. Согласно данным, собранным остальными путешественниками, это была «домовая ханская божница» [7, с. 90], «домовая ханская мечеть» [11, с. 13], «домашняя ханская мечеть» или «домовой христианский храм» Диляры-Бикеч [8, с.632].

Трудно переоценить историческую ценность мемуаров этих путешественников. Однако не все приведенные в их записках мнения следует воспринимать на веру, не подвергая обстоятельной критике. К примеру, большинство гостей Бахчисарая, судя по мемуарам, имели основания столь безапелляционно высказывать свою точку зрения по вопросу атрибуции этого здания. Заметно, что они недостаточно хорошо разбирались в истории и в искусстве мусульманского Востока. Не будем комментировать ошибочные прочтения надписей Демир-Капу и рассуждения о годах правления крымских ханов. Считаю только необходимым заметить, что у мусульман нет «божниц» – часовен, да и сама их молитва по определению является общественной.

К середине XIX века каких-либо обоснованных предположений о назначении этого здания так и не появилось. Составители каталога арабских и турецких надписей Бахчисарая даже не выдвигали предположения на этот счет [4, с. 495]. А на плане Бахчисарайского дворца, приведенном в «Художественном листке» Ф. Тимма, оно обозначено как «Темница графини Марии Потоцкой» [10]. Вероятно, издатель решил придерживаться авторитетного мнения Н. М. Мурзакевича. Не более этого знал и А. И. Маркевич. По крайней мере, он никак не комментирует ее атрибуцию архитектором Колодиным как «темную комнату» [6, с. 144]. Однако уже с 1920-х годов в популярной литературе это здание именуют «Малой дворцовой мечетью».

Как видим, не смотря на явный интерес, вопрос о функции этого строения до сих пор не освещен в полной мере, а единственная общеизвестная точка зрения вовсе не аргументирована. С целью разрешить эту проблему, попытаемся провести небольшое архитектурное и эпиграфическое исследование.

Итак, заинтересовавшее нас здание представляет собой купольное строение высотой ок. 5 м, неправильной формы, в плане – четырехугольник (Рис. 2). Его стены сложены из бута, а паруса и свод – из плинфы (Рис. 3). Вход в него устроен в северной стене. Над дверным проемом закреплена закладная плита (Рис. 4) с трехстрочной надписью:

ØΦαTMЕφ• ЗЄ...μ ΕΒ□Α ⊕ΙΑ ØΦαTMЕφ• Ο.ϋ(μ – «Селямет Гирай хан сын Эльхадж
Селима Гирая хана»

1155

1155

ⓈⓉμ

год».

Судя по надписи, помещение было отстроено в при Селямет Гирае II (1740–1743) в 1742 году.

Как видим, даже в результате беглого анализа заметных архитектурных элементов можно прийти к мнению, что это здание не раз перестраивали. Ведь трудно даже предположить, что каменщики, мастерски сложившие из плинфы паруса и купол, смогли бы столь безобразно выстроить бутовые стены. Вернее всего, надпись над входом была вмонтирована в память о последних переделках.

Вообще, ни конструкция здания, ни своеобразная эволюция представлений о его назначении не дает нам оснований согласиться с ныне общепринятой точкой зрения. Оно не могло быть мечетью, так как не было приспособлено для общественной молитвы: входящий сразу же упирается в неосвященный михраб; молящиеся могли расположиться в помещении только в один ряд, причем большая их часть находилась в полутьме, так как каких-либо следов крепления люстры под куполом нет, а три окна, сделанных под сводом в южной стене, практически не пропускают солнечный свет. Мало того, судя по хорошо сохранившемуся темно-зеленому линейному орнаменту, которым были расписаны стены, каких-либо требований к освещенности не предъявлялось.

Как видим, существующая теория ошибочна. Попытаемся установить назначение и время возникновения этого здания. Для этого детально его опишем.

Войти в помещение можно через проход в северной стене. Прямо перед нами находится алебастровый, украшенный красной и синей росписью михраб, левее просматриваются следы перегородки, отделявшей хорошо освещенное пространство. В восточной стене криво прорублено окно. В центральной части свода был устроен купол, сложенный из плинфы на известковом растворе (Рис. 5). Он опирается на паруса, выстроенные из плинфы. Под куполом, в северной стене, у пола, проделан большой проем, пригодный как для монтирования дверей, так и для высокого окна. Чуть правее современного входа проделан прямоугольный оконный проем. Северная стена (9,8 м) здания сложена из известняковых блоков, практически насухо, а западная (5,08 м), южная (8,90 м) и восточная (5,00 м) выстроены из бута, скрепленного известковым раствором. Противоположные стены здания выстроены не симметрично и имеют разную толщину. Самая толстая – восточная (1,8 м), являющаяся ныне частью забора, ограничивающего с запада Басейный дворик. Купол венчает небольшая восьмиугольная башенка (ок. 2,5 м) с бронзовым навершием.

Скорее всего, от первоначального сооружения сохранились только купол, крыша, паруса и часть северной стены. Остальные участки были перестроены. Так, восточная стена была утолщена, а западная – сложена заново. Входы заложены, а ныне существующие дверные проемы прорублены. Кстати, само их наличие говорит об устройстве в здании двух смежных комнат с отдельными входами. Но так как ориентация помещения и отдельные архитектурные элементы сохранились, то мы имеем право предполагать, что первоначально оно являлось небольшой армянской церковью, пристроенной к большому храму, от которого сохранились лестница, ведущая на площадку (Рис. 5), вероятно, являвшуюся солеей (дл. 8,90 м), а также каменные колонны абсиды, ныне обрамляющие т. н. «Летнюю беседку» Бахчисарайского дворца-музея (Рис. 6).

Вероятно, алтарь церкви, именуемой ныне «Малой дворцовой мечетью», был заложен, и, позже, в толще стены было прорублено окно. Одновременно разобрали алтарную преграду, от которой сохранился арочный свод. Бедная роспись стен говорит о том, что помещение использовалось для бытовых целей. Ниша михраба могла быть прорублена только в XX веке. К счастью, не смогли переделать крышу, которая и ныне напоминает свод армянского храма (Рис. 1,1).

Сохранившиеся архитектурные детали позволяют не только определить предназначение и размеры первоначального сооружения, но и датировать его. Так, хорошо просматриваемая т. н. «утопленная кладка» плинфы свода, конфигурация барабана свидетельствуют о том, что т. н. «Малая дворцовая мечеть» некогда являлась небольшой армянской церковью, возведенной в X–XIII веках [9, с.187–190, Рис. 136–139]. Вероятно, она использовалась по назначению до построения Ханского дворца в Бахчисарае, а позже была варварски перестроена.

Список литературы

1. Акчокраклы О. Новое из истории Чуфут-Кале // ИТОИАиЭ. – Симферополь, 1928. Т. II (59).
2. Белый А. В., Карлов С. В. Архитектурные особенности и строительная периодизация оборонительной стены Пенджере-Исар на Чуфут-Кале // Могилянські читання 2002. – Київ, 2003.
3. Боданинский У. А., Засыпкин Б. Н. Чуфут-Кале (по материалам раскопок 1928-29 гг.) // ИТОИАиЭ. – Симферополь, 1929. Т. III (60).
4. [Борзенко А., Домбровский Ф.М., Кузьмин В.П., Негри А.Ф.] Бахчисарайские арабские и турецкие надписи // ЗООИД. – Одесса, 1848. Т. II.
5. Броневицкий, Мартин. Описание Крыма // ЗООИД. – Одесса, 1867. Т. 6.
6. Маркевич А. И. К истории ханского Бахчисарайского дворца // ИТУАК. – Симферополь, 1895. № 23.
7. Муравьев-Апостол М. И. Путешествие по Тавриде // Отечественные записки. – СПб., 1827. Ч. 19.
8. Мурзакевич Н. Поездка в Крым в 1836 году // ЖМНП. – СПб., 1837. Ч. XIII. № 3. Март.
9. Оустерхаут Р. Византийские строители. – Киев-Москва, 2005.
10. План Бахчисарайского сада и дворца / Диск «Marræ encyclopædia. Вып. 3». Сост. С. Л. Смекалов.
11. Свинын П. И. Бахчисарайский дворец (из путевых записок издателя «Отечественных записок»). 1825 года // Отечественные записки. – СПб., 1827. Ч. 29.
12. Сказание священника Иакова // ЗООИД. – Одесса, 1850. Т. 2. – С. 691.
13. Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. – М., 1800.
14. Утемиш-Хаджи ибн Маулана Мухаммад Дост. Чингиз-Наме. – Алма-Ата, 1992.
15. Чорэф М. М. К истории Эски-Юрта // МАИАСК. – Симферополь, 2008 (в печати).

ДВА ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ АРМЯНСКИХ КАЛЕНДАРОВЕДА XV ВЕКА АКОП КРЫМЕЦИ И ЕСАИ КРЫМЕЦИ

Еще в древности люди использовали астрономические явления для измерения времени. Смена дня и ночи, последовательность фаз Луны, смена времен года помогали человеку правильно отсчитывать время. Эти явления лежат в основе таких единиц времени, как день, месяц, год. Однако эти три величины несоизмеримы, т. е. нельзя указать целое число лет, содержащее целое число месяцев или дней.

Этим и объясняется сложность построения календаря и многообразие календарных систем, которыми пользовались разные народы в течение тысячелетий. Попытка преодолеть эти трудности и согласовать упомянутые три величины привели к возникновению в разное время у разных народов трех типов календарей – лунного, лунно-солнечного и солнечного.

Слово «месяц» у многих народов связывается с Луной, а первый месяц в году – с ранней весной. Так, замечательный армянский мыслитель Анания Ширакаци пишет: «Названия месяцев не существовали изначально с сотворения мира. Но начиная с Адама и до Моисея, все народы наступление весны называли наступлением года, и не было названий месяцев, но лишь первое новолуние называли первым новолунием весны, а затем шло второе новолуние, третье, четвертое – до двенадцатого» [5, с. 76].

В последствии под влиянием вавилонян месяцам были даны названия. Сведений об армянском календаре до создания армянской письменности – немного. Они связаны с вещественными памятниками. Тысячи наскальных изображений, найденных на территории Армении, показывают, что представления аборигенов о звездном небе выходили за пределы религиозно-культурных представлений. Эти представления связаны не только с Солнцем, Луной и видимыми глазом пятью планетами, но и с фазами Луны и с созвездиями [13].

К такому же заключению приводит найденный на территории Армении пояс-календарь бронзового века. Предполагается, что аборигены Армянского нагорья пользовались довольно усовершенствованным лунно-солнечным календарем, по которому год начинался с весны, имел 12 лунных месяцев, при этом месяцы были разделены на недели [18].

Известно, что для соответствия солнечного года и лунных месяцев в лунно-солнечных календарях время от времени добавляются дополнительные месяцы. Нередко эти добавления носили произвольный характер, однако попытки согласовать движения обоих светил способствовали прогрессу науки.

Нет никаких данных о том, когда на Армянском нагорье произошел переход от лунно-солнечного календаря к солнечному. В древнеармянском солнечном календаре год имел 365 дней. Разница с тропическим годом составляла сутки за 4 года. Накапливаясь, она достигала одного года за 1460 лет. Этот период известен в армянских источниках как «цикл Хайка» [4, с. 76-104].

Предание связывает начало армянского календаря с победой родоначальника Хайка над Бэлом (бог, владыка у вавилонян), а названия месяцев – с именами его сыновей и дочерей: «Ибо некий великан, луконосец, по имени Хайк, из рода Яфетова... придя из Вавилона, овладел Арменией. И поселился он в Армении, и по имени его были названы армяне «хайами»... И армяне, взяв имена сыновей и дочерей его, дали их месяцам ради возвеличения отца и детей; названия этих месяцев суть: Навасард, Хори, Сахми, Мехеки, Арег и Марери были дочерьми Хайка; Трэ, Кахоц, Арац и Хротиц были сыновьями Хайка, а Маргац и Хареванц, который ныне именуют Ахеки, были названы из-за дел, ибо эти месяцы приходились на летний период» [5, с. 77].

Г. Алишан попытался выяснить дату этого события. Взяв за основу своего расчета 1460-летний цикл, он получил 2492 год до Р. Х. [4, с. 95, 96]. Однако в дальнейшем эта попытка научного обоснования древних преданий о начале армянского летосчисления была подвергнута критике [2, с. 99].

Предание о связи календаря с именем Хайка сохранилось и в трудах выдающегося календароведа XI века Ованеса Саркавага (Имастасера). Он пишет: «Движение месяцев у евреев и неподвижность наших – установил Всевышний, ибо веру, письма и календарь лишь этим двум народам дал Бог, а у других народов все это сотворено людьми. Армянские письма начертаны огненной десницей здесь на камне, еврейские же там – на каменных досках. Календари созданы там Моисеем, а здесь – Хайком, раньше, нежели им – Моисеем» [3, с. 223].

Некоторые исследователи уподобляли армянский календарь египетскому [9, с. 19; 10, с. 56]. Известно, что календарный год у египтян был на $\frac{1}{4}$ суток короче реального тропического года и поэтому начинался на сутки раньше каждые 4 года, восстанавливая свое положение спустя 1460 лет. Кстати, об этой 1460-летней разнице Н. Идельсон пишет: «Знали ли сами египтяне в древнейшие эпохи о существовании подобного периода – вопрос еще открытый» [9, с. 337].

Как бы ни был древнеармянский календарь по своему структурному принципу похож на древнеегипетский солнечный календарь, история свидетельствует, что египтяне в 26 году до Р. Х., в дни римского императора Августа, перешли на неподвижный календарь в то время, как армянский подвижный календарь продолжал свое существование еще в течение многих веков.

Один из исследователей календарей пишет: «Большое сходство разных календарей с египетским приводило многих исследователей к выводу о том, что представление о блуждающем солнечном годе было заимствовано у египтян... Однако... этнографические данные показывают, что представление о блуждающем солнечном годе из 360 и 365 дней встречаются у разных народов почти на всех континентах» [12, с. 321, 322].

О простоте и целесообразности солнечного и особенно египетского календаря неоднократно говорили специалисты [6, с. 35; 15, с. 92].

Как бы ни был удобен календарь типа $(12 \times 30 + 5)$, народы, принявшие христианство, должны были иметь точный календарь для церковных праздников. В этом смысле наиболее целесообразным был юлианский. На западе Римской империи он был принят без изменений, а в восточных областях, где официальным языком был греческий, новый календарь был приспособлен к местным обычаям.

Христианство было признано в Армении государственной религией на заре IV века. Известно, что сразу после признания христианства для церковного богослужения стали использоваться малодоступные народу сирийский и греческий языки. Следует предполагать, что церковные праздники также располагались согласно сирийскому и греческому календарю.

С начала V века начинается культурная борьба против персидского, сирийского, позднее и греческого влияния [1, с. 59].

После того, как армянская церковь, имевшая национальную письменность, стала самостоятельной, она несомненно должна была попытаться отмежеваться от других церквей также и в отношении календаря, создав собственную календарную систему и летосчисление.

Согласно принятому в армянской филологии мнению по окончании 200-летней пасхалии, которой руководствовались все христианские церкви, 11 июля 552 года было положено начало Большому армянскому летосчислению.

Подвижность армянского календаря, а также необходимость выяснения многочисленных спорных вопросов в средние века дали повод для создания многих трудов по календароведению, а также для перевода и толкования сведений соседних народов. Значительная часть этих сведений и трудов сохранилась в армянских рукописях. Изучение армянских рукописей календароведческого содержания показало, что теоретическое изложение календарей разных народов резюмировано в труде, называемом «Главы календаря». Это сочинение, дошедшее до нас в многочисленных рукописях, имеет особое значение среди армянских средневековых трудов по истории точных наук. Здесь в отдельных главах изложена теория томара как армян, так и римлян, греков, сирийцев, евреев и других народов.

Этот труд ценен и как памятник по практической астрономии [7; 8]. В течение всего средневековья он находился в центре внимания армянских календароведов. В своих сочинениях, озаглавленных «Толкование календаря», они комментировали раздел, посвященный Большому армянскому летосчислению, проводя параллели с календарными системами соседних народов. Этот труд послужил основой для работы последующих поколений календароведов. Их комментирование послужило основой знаний о календаре в центрах средневековой культуры.

В монастырских школах высшего типа велись занятия по календароведению, обучали вычислять как по армянскому, так и по календарям соседних народов.

Следовательно, без истории точных наук и, в частности, календароведения, история армянской культуры была бы неполной. Этим и объясняется, что изучением истории армянского календаря начали заниматься еще с конца XVIII века. Поскольку армянский календарь связывают в основном с именами Анании Ширакаци и Ованнеса Саркавага, то, естественно, что большая часть исследований относится к научному наследию этих двух мыслителей средневековья.

Календароведческие труды Акопа Крымеци долгое время не служили предметом отдельного исследования, однако являются одним из звеньев многовековой истории армянского календаря.

Из-за частых опустошительных нашествий извне многие армяне в разные века покидали свою родину и искали пристанище в чужих краях. Армянская колония в Крыму была одной из самых значительных. Здесь возводились церкви и монастыри, при которых открывались школы [11, с. 13-14; 14, с. 292]. За все время многовекового существования армянские поселения в Крыму поддерживали тесную связь с Арменией и другими армянскими колониями.

Замечательный армянский мыслитель Акоп Крымеци родился в Крыму в середине XIV века. В одной из памятных записей XV века (ишатакаранов, в которых средневековые писцы сообщают разные сведения о себе и рукописи) сохранились сведения о семье А. Крымеци: «Молю помянуть добропорядочного и боголюбивого отца моего Норазата, и мать мою Мелик, и брата моего Егише, и сестер моих Хас-Мелик и Лал-Хатун» [20, с. 655].

Несмотря на разрушительные последствия чужеземных нашествий и господство завоевателей в разных областях Армении все еще продолжали существовать монастырские средние и высшие школы, которыми руководили ученые-монахи (вардапеты) Среди них выделялись Гладзорская и Татевская школы, которыми руководили Иоанн Воротнеци и Григор Татеваци. Известно, что в этих высших школах преподавались не только религиозно-богословские предметы, но и философия, логика, риторика, история, география, астрономия, арифметика, календароведение, анатомия, музыка.

В эти школы приезжали учиться юноши со всех концов страны, а также из других местностей, населенных армянами. По окончании учебы они возвращались к себе и основывали новые школы, поддерживавшие постоянную связь с основными школами.

После того, как Акоп Крымеци получил начальное образование в одной из местных крымских школ, родители направили его учиться в Ерзынкайскую высшую школу.

В конце XIV века духовным наставником монастыря Аваг поблизости Ерзынка был ученик Иоанна Воротнеци, старший товарищ Григора Татеваци, Геворг Ерзынкаци. В рукописях среди многочисленных учеников Геворга Ерзынкаци А. Крымеци занимает особое место.

В 1408 году А. Крымеци по просьбе своего учителя читал лекции по календароведению, а потом по просьбе учеников стал их записывать. Этот труд сохранился под заглавием «Писание для всеобщей пользы». Автор начинает словами: «Итак, я Акоп Крымеци, ученик великого рабунапета Геворга, ... лишь называемый отшельником Акоп... отроков города Ерзынка, духовных детей своих, немногими уроками обучал своему искусству календароведения. Они же, познав трудности дела, молили, просили обучать их письменно. И мы приступили без промедления и собрали в одном месте сказанное: – не относительно всего искусства, а лишь немного из главнейших частей и ибо кое-где слова таили в себе смысл знания, мы разъяснили его простыми и известными словами на радость любящим науки» [16, с. 325, в].

В начале XV века под влиянием и покровительством Татева в области Каджберуник (на севере оз. Ван) была создана Мецопская школа, которая продолжала традиции Татевской. Этим Мецопская школа обязана Товме Мецопеци. В этой школе предметом обстоятельного исследования становятся почти все области науки, литературы и искусства того времени. Для чтения лекций по естествознанию и календароведению в 10-е годы XV века в Мецоп был приглашен Акоп Крымеци. Самым знаменательным в творческой жизни Крымеци следует считать 1416 год. В этом году был написан его труд «Голкование календаря», который, по мнению академика АН Армении Л. Хачикяна, долгое время играл роль учебника и дает представление об объеме и содержании знаний того времени в области 4-х наук: арифметики, геометрии, музыки и астрономии, изучавшихся в средневековых учебных заведениях Армении [19, с. 27].

Другой замечательный армянский календаровед Есаи Крымеци родился в начале XV века в Крыму. Недалеко от Кафы (Феодосия) функционировала церковь св. Антона со своей монастырской школой во главе с ученым монахом Саркисом. Именно в этой школе жил и работал Есаи Крымеци.

Хотя армянский подвижный календарь обладал определенными неудобствами, он применялся в течение длительного времени. В высших школах, действовавших при монастырских учреждениях, учащиеся обучались вычислениям при помощи армянского подвижного календаря и учились комментировать его, имея под рукой «Главы календаря». Комментатор только разъяснял содержание, а о вычислениях говорил: «Как приказывает глава» или «Как советует глава».

Одним из редакторов этого трактата является Есаи Крымеци. Для учащихся монастырских школ и для нужд церкви он отредактировал основной труд армянского календаря, обогатил его новыми расчетами.

Казалось бы, что в начале XV века не имело смысла продолжать вычисления по армянскому подвижному календарю. Известно, что начиная с XIV века католическая церковь создавала в Армении свои опорные пункты. С целью распространения католичества в Крыму папа римский еще в первые десятилетия XIV века основал в Кафе (Феодосия) епископат. Исследователи отмечают, что Кафа стала центром распространения католичества не только для самого Крыма, но и для Востока вообще [14, с. 231].

Поскольку признание владычества папы римского обещало укрепление экономического положения, часть армянской торговой верхушки с XIV-XV веков поддается влиянию католичества. Многие сопротивляющиеся католичеству армяне, преданные своей национальной церкви, даже покидали Кафу.

Деятельность униатов, которая вызвала сильное противодействие в лице Иоанна Воротнеци и Григора Татеваци, а впоследствии также и вардапетов Мецопской школы, побуждала армянскую церковь всячески сохранять созданные предками культуру, литературу, обычаи и обряды, подвергаемые нападкам латинофилов.

Таким образом А. К. и Е. К. взяли на себя большое и благородное дело: очистить армянский календарь от ошибок и этим спасти его от выхода из употребления. Имея под рукой новый, отредактированный вариант «Главы календаря» и подробный комментарий к нему, ученик не только мог производить сложные календарные расчеты, но и получить представление об обширных сведениях по календароведению, накопившихся до XV века в армянской средневековой рукописной литературе.

Из трудов, сочиненных Есаи Крымеци 1430-1440 годах, до нас дошел «Календарь Солнца и Луны», который много лет назад привлек внимание академика АН Армении Левона Хачикяна. Он говорил о необходимости его исследования.

Этот труд сохранился всего лишь в трех рукописях Матенадарана им. М. Маштоца. Они написаны в середине XV века в Кафе, в монастыре св. Антона. Труд в несколько измененном варианте сохранился в рукописях XVII века, причем редактор не забывает напоминать имя автора, т. е. Есаи Крымеци. Наличие арабских терминов в тексте, а также сам труд по своему содержанию и назначению привели нас к предположению, что Есаи Крымеци знал арабский язык и пользовался их трудами. В отличие от предшествующих армянских календароведов Есаи Крымеци, кроме редактирования и обогащения новыми расчетами, к «Главам календаря» добавил также эфемериды Солнца и Луны с объяснительным текстом астрологического характера – так называемый «Календарь Солнца и Луны».

По таблицам этого труда можно узнать положение Солнца в знаках Зодиака в полдень в той местности, для которой составлены эфемериды, а также новолуние или полнолуние в данном месяце.

После объяснительного текста помещен рисунок астрольбии. По всей вероятности он свои наблюдения проводил именно с помощью этого средневекового астрономического инструмента.

Можно с уверенностью сказать, что в лице Есаи Крымеци мы имеем замечательного армянского календароведа, который наряду с богатством армянской календароведческой мысли пользовался также достижениями арабской астрономии.

Список литературы

1. Абемян М. История древнеармянской литературы. – Ереван: Из-во АН АрмССР, 1975, 601 с.
2. Абрамян А. Г. Армянское письмо и письменность. – Ереван: Из-во Ерев. ун-та, 1973 (на арм. яз.).
3. Абрамян А. Г. Труды Ованнеса Имастасера. – Ереван, Из-во Ерев. ун-та, 1956, 363 с. (на арм. яз.).
4. Алишан Г. Памятники о родине армянской. – Венеция, Св. Лазарь, 1869, т. 1, 537 с. (на арм. яз.).
5. Аняня Ширакаци, Космография и теория календаря (сост. А. Абрамян). – Ереван, Армгосиздат, 1940, 93 с. (на арм. яз.).
6. Бикерман Э. Хронология древнего мира. – М., Наука, 1975, 333 с.
7. «Главы календаря» (VII-XV вв.), Исследование и тексты подготовила к изданию Дж. А. Эйнатян с сотрудничеством и под редакцией Г. Тер-Варданяна. – Ереван, Из-во Кннасера, 2002, 295 с. (на арм. яз.).
8. Древнеармянский календарь (текст подготовила к изданию Дж. А. Эйнатян) – Ереван, Из-во Магагат, 2002, 478 с. (на арм. и англ. яз.).
9. Идельсон Н. И. Этюды по истории небесной механики. – М.: Из-во Наука, 1975, 496 с.
10. Каменцева Е. И. Хронология. – М.: Из-во Высшая школа, 1967, 187 с.
11. Корхмазян Э. М. Армянская миниатюра Крыма (XIV-XVII вв.). – Ереван: Из-во АН АрмССР, 1978, 131 с.
12. Лившиц В. А. Зороастрийский календарь /в книге Бикерман Э., Хронология древнего мира, с. 320-333.
13. Мартиросян А. А. Лунно-солнечный календарь первобытной Армении // Вестник общ. наук АрмССР, 1973, № 7, с. 23-42 (на арм. яз.).
14. Микаелян В. А. История армянской колонии в Крыму. – Ереван, Из-во АН АрмССР, 1964, 426 с. (на арм. яз.).
15. Нейгебауэр О. Точные науки в древности. – М.: Наука, 1968, 224 с.
16. Рукопись Матенадарана им. М. Маштоца № 74, 1647 г., 402 с. (на древнеарм. яз.)
17. Семенов Л. О. О некоторых вопросах армянского календаря // сб. науч. материалов Матенадарана. – № 1, Ереван, 1941, с. 19-30 (на арм. яз.).
18. Туманян Б. Е., Мнацакян Г. Пояс-календарь бронзового века. – Ереван: Из-во Митк, 1965, 56 с. (на арм. яз.).
19. Хачикян Л. С. Армянская естественнонаучная мысль в XIV-XVIII вв. // Ист.-фил. журн. АН АрмССР. – 1971, № 2, с. 23-44 (на арм. яз.).
20. Хачикян Л. С. Памятные записи армянских рукописей XV в. – Ереван: Из-во АН АрмССР, 1955, ч. 1, 817 с. (на арм. яз.).

КРЫМСКИЕ АРМЯНЕ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Л. В. Арутюнян (г. Севастополь)

ПЕРВЫЙ АДМИРАЛ-АРМЯНИН

В нравственной жизни общества настоящее не создается из ничего, – оно готовится прошедшим и, в свою очередь, должно послужить будущему [1, с. 3]. В дни подготовки к 225-летию основания г. Севастополя был исследован вопрос об участии крымских армян в Восточной (Крымской) войне.

В книге Арсения Маркевича «Таврическая губерния во время Крымской войны» приводятся данные об оказании материальной и финансовой помощи в размере 3000 тыс. рублей художником И. К. Айвазовским защитникам города Севастополя [2, с. 221].

Известный историк Е. В. Тарле в своей монографии «Крымская война» указывает: «От солдат до командиров армяне живо чувствовали кровную свою заинтересованность и полную с русскими солидарность и моральную ответственность в деле отстаивания своей земли от вторгнувшихся турецких захватчиков» [3, с. 299].

В редком фонде Морской библиотеки им. Лазарева в «Морских сборниках» за 1856 и 1865 годы, «Общем Морском списке» за 1894 год, имеются очерки контр-адмирала В. Стеценко, воспоминания лейтенанта А. Чернявского, письма Марка Серебрякова и П. С. Нахимова.

Серебряков Лазарь Маркович (Казар Маркосович Арцатагорцян) родился 9 июня 1775 года в Крыму, в городе Карасубазар (совр. Белогорск), в семье потомственного дворянина Маркоса Арцатагорцяна. После окончания приходской школы поступил в Одесский лицей.

Успешно окончив лицей, пятнадцатилетний Лазарь 10 июня 1810 года стал волонтером Черноморского гребного флота.

В течение трех лет он добросовестно выполнял обязанности волонтера, в свободное от службы время изучал морское дело, историю, географию, французский язык, занимался рисованием. 18 августа 1813 года он был направлен в Николаевскую навигационную школу, где помимо теоретических занятий бывал в учебных плаваниях. Плавал на бриге «Царь Константин», бригантине «Михаил», транспортном судне «Дунай».

После трех летнего обучения и плавания гардемарин Л. М. Серебряков, успешно выдержав трудные экзамены, был произведен в мичманы. Для прохождения службы Л. М. Серебряков был направлен на корабль «Париж». Затем стал плавать на кораблях «Ленивый» и «Император Франц», фрегатах «Лилия» и «Флора», шхуне «Севастополь», бриге «Николай», корвете «Або» и транспортных судах.

За сообразительность и смекалку, высокую воинскую исполнительность и в связи с десятилетием службы в Черноморском флоте, в 1820 году Л. М. Серебрякова произвели в лейтенанты. Через пять лет Л. М. Серебряков уже в качестве капитана самостоятельно вывел корвет «Або» в открытое море, а чуть позже плавал на фрегате «Флора».

В 1826 году Л. М. Серебряков был назначен адъютантом начальника Главного Морского штаба, плавал на флагманском корабле «Император Франц» в качестве флагманского офицера. Принимал участие в боевых учениях, накапливал опыт командной и штабной работы. С началом русско-турецкой войны 1828-1829 годов Л. М. Серебряков находился в гуще событий.

В первый раз Л. М. Серебряков познакомился с Кавказом при покорении Анапы, неся службу при генерал-адъютанте князе Меншикове. По знанию турецкого языка, он был взят к командующему военно-сухопутными войсками, осаждавшими крепость.

Вице-адмирал А. С. Грейг, возглавлявший морскую осаду крепости, направил рапорт Николаю I о взятии крепости Анапа. Довести этот рапорт, а также турецкие знамена и ключ от крепости адмирал поручил Л. М. Серебрякову с донесением, в котором сообщал о нём: «...Во время осады турецкой крепости Анапы в ночном сражении участвовал в числе охотников для выкапывания турок из шанцев, а потом был употребляем для переговоров с начальником крепости и по окончании переговоров вошел чрез брешь с батальоном, назначенным занять крепость для принятия от паши флага и ключей крепостных» [4, с. 34].

Лазарь Серебряков оправдал высокое доверие: он четко, со знанием дела доложил императору о сражении за крепость Анапа, ответил на все его вопросы, и Приказом от 9 июля 1828 года «За отличие, оказанное во время осады крепости Анапы», лейтенант Л. М. Серебряков был произведён в капитан-лейтенанты [4, с. 37].

В «Общем Морском списке» отмечается, что за эту военную кампанию 1828-1829 годов Л. М. Серебряков был пожалован императором орденом Святого Владимира 4-ой степени с бантом, кавалером Ордена Святой Анны 4-ой степени с надписью на сабле «За храбрость», кроме того, награжден медалью за активное участие в турецкой кампании.

Весной 1829 года Л. М. Серебряков, как офицер по особым поручениям и как хорошо знающий турецкий язык, на люггере «Глубокий» был послан адмиралом Грейгом парламентаром в турецкую крепость Кара-бурну, а также для обозрения местности. После выполнения задания Л. М. Серебряков, возвращаясь в Севастополь, «...в бухте Эрмендель встретил два турецких корабля. Тем не менее, он не уклонился от неравного боя. Искусно маневрируя, Серебряков метким огнём уничтожил турецкие корабли. После этого он потопил ещё одно судно, стоящее у берега» [5, с. 3].

В 1830 году по приказу начальства Л. М. Серебряков прибыл в Петербург и был определен советником при начальнике Главного Морского Штаба; одновременно стал выполнять инспекционные задания. В том же году Л. М. Серебряков находился при турецком посланнике Галиль-паше в качестве переводчика. За четкое и квалифицированное выполнение обязанностей турецкое правительство наградило Л. М. Серебрякова дорогой табакеркой.

Л. М. Серебряков также был командирован в дунайские и черноморские порты для осмотра судов, состояния учебных, хозяйственных и прочих учреждений морского ведомства. После возвращения в Петербург Л. М. Серебряков со знанием дела отмечал положительные и слабые стороны состояния ЧФ и Дунайской флотилии. В послужном списке Л. М. Серебрякова прибавился Орден Святой Анны 3-й степени.

Вскоре Л. М. Серебрякову стали поручать и дипломатическую работу. Он был отправлен к турецкому султану, затем к египетскому паше, был назначен начальником карантинной

линии, затем комендантом гарнизона и начальником отделения по содержанию экстраординарной суммы и драгоценностей для подарков, и с этими задачами он справился успешно, сэкономил 400.000 рублей. По окончании экспедиции Л. М. Серебряков возвратился в Петербург и был произведен в капитаны 2 ранга. Ему была вручена также турецкая золотая медаль на память о пребывании в Босфоре во вспомогательном отряде русских войск.

За безупречное выполнение ответственных заданий императора и высшего военного командования Л. М. Серебряков в 1835 году был награжден Орденом Святого Станислава 3-й степени [6, с. 211].

В январе 1837 года император подписал приказ, в соответствии с которым Л. М. Серебряков был направлен «...для исполнения при командующем войсками кавказской линии генерал-лейтенанте Вильяминове в предстоящую компанию обязанности дежурного штаб-офицера по движению и действию морских отрядов» [5, с. 7].

Л. М. Серебряков, прибыв на место, оперативно и квалифицированно стал готовить морские отряды для экспедиции против горцев на восточном берегу Черного моря. В «Общем Морском списке» написано: «1837 г. Произведён за отличие в капитаны 1 ранга. За выслугу 25-ти лет в офицерских чинах награжден орденом Святого Георгия 4 класса. 1838 г. За действия против горцев при занятии урочища Соча, Туапсе и Шапсухо, награждён золотою саблею с надписью «за храбрость» [6, с. 212].

В том же «Общем Морском списке» находим, что в октябре 1838 года Л. М. Серебряков произведён в контр-адмиралы, с назначением в свиту Его Императорского Величества, а уже в июне был награждён орденом Святого Владимира 3 степени, за отличие против горцев [6, с. 213]. Контр-адмирал В. Стеценко, который провёл под начальством Л. М. Серебрякова несколько лет, в своих очерках, напечатанных в «Морском сборнике» за 1865 год, отмечает, что самостоятельная деятельность адмирала на Кавказе начинается с назначением его в 1839 году приказом № 508 начальником Первого отделения Черноморской береговой линии, укрепления Новороссийск и устраиваемого там морского порта [4, с. 36].

18 лет Л. М. Серебряков отдал плановому строительству города Новороссийск. О том, что успел сделать Л. М. Серебряков в Новороссийске к началу Восточной войны, свидетельствуют факты, приведённые в фотоальбоме «Новороссийск». Под его руководством в городе были построены мыловаренный и свечной заводы, пекарни, кондитерская фабрика, госпиталь, больница, каменная аптека и лаборатория при ней, типография, клуб, библиотека, школы, магазины, гостиный двор, церковь, мастерские по пошиву одежды, обуви, изготовлению металлических изделий, рынок, проведены водопровод и канализация. В городе стали работать почта, морской порт; функционировали полицейское и гражданское управление, адмиралтейство, комендатура. Благодаря инициативе Л. М. Серебрякова не только в Новороссийске, но и в Анапе, Геленджике, Сочи и других населенных пунктах были построены форты, пристани, жилые дома, открывались библиотеки и клубы [7, с. 166].

Своей культурой, добротой и заботой о людях Л. М. Серебряков снискал глубокое и искреннее уважение как высокого начальства, так и своих подчинённых. По свидетельству сослуживцев, «он очень был любим солдатами» [8, с. 84]. Отмечая большие заслуги Л. М. Серебрякова именно в градостроительстве и развитии края, правительство наградило его Орденом Святой Анны 1-ой степени. В честь 10-й годовщины Новороссийска и за большие заслуги перед Отечеством Л. М. Серебряков был произведён в вице-адмиралы. В 1850 году в честь 40-летия службы на флоте и большие заслуги Л. М. Серебряков был награждён Орденом Белого Орла [6, с. 214].

Контр-адмирал В. Стеценко в своих очерках писал: «Адмирал стал, прежде всего, обучать войска, высылая их на покосы, предпринимая недалние рекогносцировки, делая залогии, ночные поиски, тревоги и, по праздникам, дабы не отрывать в рабочее время рук, военные прогулки по краю, от которых солдаты, сделавши в день вёрст 35, нисколько не утомлялись, напротив видимо оживали» [4, с. 36]. Одна из первых забот адмирала заключалась в том, чтобы привлечь горцев в Новороссийск «...для меновой торговли; он искал пути сближения, устанавливал дипломатические и деловые контакты с вождями горских племён, вёл беспощадную борьбу с англо-турецкой агентурой и работоторговлей» [9, с. 4]. В. Стеценко отмечал, что своими умеренными, но твёрдыми мерами Л. М. Серебряков, «...сколько позволяли средства, принуждал ближних соседей не враждовать против русских и почувствовать выгоду сближения с ними. Горцы часто просили адмирала быть судьёй в их частных делах, спорах, и его решения считали авторитетными» [4, с. 38].

В 1851 году Л. М. Серебряков назначен Начальником Черноморской береговой линии. Однако он не упускал возможности заботиться и об улучшении внутреннего быта в крае. Новороссийск и Анапа получили статус города. В. Стеценко вспоминал: «В войсках произошла самая счастливая перемена. Побег прекратился, офицеры охотно шли сюда служить, к чему побуждало их как улучшенное положение быта, так и частые военные дела, и здесь можно было встретить весьма дельных молодых офицеров» [4, с. 38].

Лазарь Маркович обратил самое строгое внимание на пищу и обмундирование солдат, пресекал разного рода злоупотребления; развёл превосходные огороды для нижних чинов; устроил доставку скота от горцев по доступной цене. Такое внимание во все времена ценится войсками. Он был очень любим солдатами, которые охотно шли всюду за ним и переносили все трудности переходов и ночлеги под открытым небом» [4, с. 39].

Помимо того, что Л. М. Серебряков был грамотным военачальником, он успевал быть еще и талантливым ученым. Во главе небольшого отряда он полностью обследовал Нахарский и Маруханский перевалы и в 1851 году опубликовал свои изыскания в книге «Дорога от Сухуми к Кубани через Главный Кавказский хребет», где были даны подробное описание рельефа, дорог, климата и дан обстоятельный анализ политического и этнического состояния Абхазии.

Восточная война 1853-1856 годов не стала для Л. М. Серебрякова полной неожиданностью. Будучи проницательным военным и политическим деятелем, он ясно представлял, что обостряющаяся политическая и дипломатическая борьба между Россией и Турцией неминуемо приведёт к открытой войне, и он не ошибся.

В Восточной (Крымской) войне с особой силой проявились организаторские способности и талант Л. М. Серебрякова как военно-морского деятеля. Как никто другой, он знал, что его посты, строившиеся и укрепленные для отражения атак горцев, не были рассчитаны на артиллерийский огонь с турецких кораблей. Поэтому он убедил В. А. Корнилова усилить крейсеровку побережья.

11 ноября 1853 года Л. М. Серебряков принял общее командование над всеми кораблями на восточном берегу Черного моря и приступил к экспедиции к юго-восточным укреплениям турок. По команде вице-адмирала Л. М. Серебрякова корабли «Крым», «Одесса», «Херсон», «Молодец» и «Могучий» снялись с якоря и взяли курс на бывшее укрепление Святого Николая, захваченное турками. Встретив на своём пути пять турецких кораблей, эскадра по команде Л. М. Серебрякова вступила в бой и уничтожила их [4, с. 41]. Затем Л. М. Серебряков приступил к уничтожению укреплений у старого Трапезунда. Были подавлены все огневые точки противника. Без единой потери эскадра, оставив пылающий турецкий берег, взяла курс на Сухум-Кале.

После того, как в войну против России вступили Англия и Франция, положение Черноморского флота и Черноморской береговой линии (ЧБЛ) стало чрезвычайно тяжёлым. В Черное море вошла англо-французская армада, которая насчитывала около 360 военных и транспортных судов. Союзники блокировали все укрепления ЧБЛ и приступили к их обстрелу с моря. С суши более дерзкими стали наступления турок и горцев. «Дабы по возможности усилить оборону с моря, адмирал везде устраивал ядро-калительные печи, ставил приморские батареи, обеспечивал приморские фалы от обхода с морской стороны и выводил береговые траншеи для стрелков», – писал В. Стеценко [4, с. 43].

Малочисленные гарнизоны укреплений ЧБЛ не были в состоянии противостоять большим силам англичан, французов и турок. Во избежание трагедии, не дожидаясь приказа военного министра, Л. М. Серебряков принимает решение о снятии гарнизонов укреплений. Уже 5 марта 1854 г. он успешно снял гарнизоны укреплений ЧБЛ: Новотроицкого, Тенгинского, Вельяминовского, Головинского и Навагинского с женщинами, детьми и вольнопромышленниками, всего до 4000, и доставил их в Геленджик и Новороссийск. Орудия в гарнизонах укреплений были заклёпаны, порох затоплен, здания взорваны или подожжены. Анапу и Новороссийск решено было в спешном порядке укрепить и защищать. Но вскоре угроза нависла и над Новороссийском. 28.02 (2.03) 1855 года Л. М. Серебряков принял самостоятельное решение об эвакуации Новороссийска. «Преодолевая невероятные трудности пути, связанные со стычками с горцами, защитники крепости и жители города без потерь прибыли в Анапу. Весть о благополучной эвакуации Новороссийска дошла до императора. 23 апреля 1855 года вице-адмирал Л. М. Серебряков был награждён золотой табакеркой, украшенной бриллиантами с портретом Его Императорского Величества...» [5, с. 5].

Вице-адмирал Л. М. Серебряков, сдав дела ЧБЛ, отправился в Петербург, где представился великому князю, генерал-адмиралу Константину и вручил ему обстоятельную докладную записку.

23 июля 1856 года Александр II подписал указ о назначении вице-адмирала Л. М. Серебрякова членом Адмиралтейств-совета. А 30 августа приказом императора Л. М. Серебряков «за отличие по службе» был произведён из вице-адмиралов в адмиралы флота. В то же лето Л. М. Серебрякову была вручена бронзовая медаль «В память войны 1853-1856 гг.». А в 1856 году по представлению великого князя к ранее полученным Л. М. Серебряковым орденам Святого Александра Невского, Белого Орла, Святого Станислава 1-ой степени и Святой Анны 1-ой степени были присоединены мечи.

В. Стеценко в очерках вспоминает, что «последние годы жизни Л. М. Серебряков имел спокойную службу в Петербурге, на что он, конечно, имел полное право после безупречной долголетней служебной деятельности» [10, с. 4]. В 1859 году за заслуги перед Отечеством ему была пожалована аренда в 3.000 рублей на 12 лет. Зимой 1862 года Л. М. Серебряков, возвращаясь из отпуска в Петербург, в дороге сильно простудился. В Петербурге после непродолжительной болезни 28 февраля перестало биться сердце Л. М. Серебрякова. По завещанию тело перевезли на родину, в Карасубазар, и там похоронили на Армянском кладбище в семейном склепе.

В Крымской войне наравне с отцом активное участие принимали и его сыновья: капитан-лейтенанты Марк и Егор Серебряковы. Когда в осажденном Севастополе гибли тысячами товарищи по службе, сыновья адмирала – Марк и Егор, проявляя благородство убеждений, не смогли оказаться в стороне. Л. М. Серебряков, воспитывая их с детства на своём примере, не задумываясь, благословил сыновей на защиту Севастополя. В этом и проявляются традиции военной династии.

Старший сын Марк служил на Камчатском люнете в дни осады Севастополя. В журнале «Морской сборник» за 1856 год имеются воспоминания лейтенанта 32-го флотского экипажа А. Чернявского о своём сослуживце – Марке Серебрякове: «Между многими из моих сослуживцев, память о которых не у одного меня вызывает глубокий вздох сожаления, находился капитан-лейтенант Марк Лазаревич Серебряков, убитый в ночь с 22 на 23 апреля 1855 года» [8, с. 84].

Вот отрывок из письма Марка к отцу из Керчи от 11 ноября 1854 года, написанного вскоре после начала осады Севастополя: «...Товарищи наши под неприятельскими ядрами и бомбами погибают тысячами; тяжело и грустно читать обо всех ужасах, претерпеваемых нашими с мужеством, и сидеть, ничего не делая в настоящее время в Керчи, какой бы ни был исход наших дел, всё тоже неприятное чувство, вроде угрызения совести, будет тяготить меня всю жизнь. Ежели Бог поможет нашим одолеть врага, то совестно будет сознаться, что не участвовал в деле славном и общем всему флоту; ежели же по трупам наших молодцов неприятелю удастся овладеть Севастополем, то в таком случае я себе никогда не прошу, что я в это время сидел в Керчи без всякого дела. Прошу вас, добрейший Батюшка, разрешить мне сдать пароход, а самому отправиться в Севастополь... Неужели вам самим не будет прискорбно, что ни один из ваших сыновей не был участником в столь славных делах ... Ежели вы будете полагать, что я решился на это из честолюбия, чтобы получить какой-нибудь крест или чин, то вы, любезный Батюшка, ошибаетесь: я только желаю быть участником этого дела и разделять участь моих товарищей; а потому умоляю вас, Батюшка не отказать мне» [8, с. 85].

В этом письме высказано всё: любовь к Отечеству, геройская решимость на всё доблестное, и, наконец, привязанность к товарищам, среди которых он хотел жить и, если нужно, умереть, разделяя трудности их и лишения. «Истинная польза его службы и любовь к нему товарищей и начальников доказывается письмом покойного Адмирала Нахимова, извещавшим Адмирала Серебрякова о смерти его сына», – вспоминал лейтенант А. Чернявский [8, с. 86].

Прославленный адмирал П. С. Нахимов, высоко оценив подвиг моряка Марка Серебрякова, написал лично письмо отцу – вице-адмиралу. Выражая соболезнование, он писал: «Сообщая эту горестную весть, я прошу верить, что вместе с вами и мы, товарищи его, разделяем ваши чувства. ...Движимые чувством святого долга, лежащего на каждом русском и в особенности моряка, вы благословили его на подвиг, к которому призывал его пример и внушения, полученные им с детства, от отца своего... Вы свято довершили свою обязанность, он с честью выполнял свою... Несмотря на высокое самоотвержение своё, ни одна пуля его не

задела, а Всемогущему Богу угодно было, чтобы случайная граната была причиною его смерти... Провожая его в могилу, я был свидетелем непритворных слёз и грусти окружающих... Сообщая эту горестную весть, я прошу верить, что вместе с вами, и мы, товарищи его, разделяем ваши чувства; – прекрасный офицер, редких душевных достоинств человек, он был украшением и гордостью нашего общества; и смерть его мы будем вспоминать как горькую жертву необходимости для искупления Севастополя...» [8, с. 87].

Младший сын адмирала Л. М. Серебрякова Егор Серебряков, лейтенант 36-го флотского экипажа, был командиром паровой шхуны «Аргонавт» и до августа 1854 года состоял в эскадре, возглавляемой П. С. Нахимовым. Когда англо-французский флот в составе почти 80 кораблей с десантом 16 тысяч человек 12 мая 1855 года подошёл к Керчи, то застигнутые врасплох в Керченской гавани русские корабли были сожжены своими экипажами. «Только бриг «Аргонавт» под командованием Егора Серебрякова, вступил в бой с английским кораблём и, причинив ему повреждения, ушёл в Бердянск. Получив разрешение отца, Егор прибыл в Севастополь и стал командовать первым бастионом. 20 августа 1855 года он был ранен и в чине капитана 2 ранга вышел в отставку» [10, с. 4].

21 мая 1955 года по распоряжению Политического управления Черноморского флота, состоялось перезахоронение останков прославленного флотоводца, военачальника и государственного деятеля адмирала Л. М. Серебрякова в связи с тем, что он был участником Крымской войны. Гроб с его останками был перевезён из Белогорска в город-герой Севастополь и торжественно захоронен на Братском кладбище возле могилы сына, капитан-лейтенанта Марка Серебрякова.

Учитывая заслуги Л. М. Серебрякова в основании и развитии Новороссийска, исполком городского Совета Новороссийска в сентябре 1977 года принял решение о переименовании улицы Набережной – в Набережную имени адмирала Серебрякова.

Праправнучка адмирала по линии Егора Серебрякова Лариса Михайловна Серебрякова (по мужу – Соколова) работала экскурсоводом в музее «Панорама Севастополя».

Список литературы

1. Река Времен. Кн. 1. Государь. Государство. Государственная служба. – М., 1995.
2. Маркевич А. Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам // ИТУАК (год 19) – Симферополь, 1905.
3. Тарле Е. Крымская война. – М.: Академия наук СССР, 1950.
4. Адмирал Л. Серебряков: Очерки В. Стеценко // Морской сборник. – 1865, № 6. – СПб: Морское Министерство.
5. Арутюнов К. Гордость русского флота. Адмирал Л. М. Серебряков. – М.: Авангард, 1996.
6. Общий Морской список. – Ч. 8. – СПб: Морское Министерство, 1894.
7. Новороссийск. Фотоальбом –Тула: ИПО «Лев Толстой», 1998.
8. Серебряков М. Л. Воспоминания // Морской Сборник – СПб: Императорская Академия Наук. – 1856, № 8.
9. Поладянец Г. А. Акт вандализма // Флаг Родины. – 7 июня 1990. – Севастополь; Слава Севастополя. – 12 июня 1990. – Севастополь.
10. Поладянец Г. А. Верный сын России // Советское Черноморье. – 17 апреля 1987. – Анапа.

АРМЯНЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНГЛИЙСКИХ АВТОРОВ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЙ

Трудно было бы, быть может, найти летописи народа, менее запятнанные содеянными им преступлениями, чем летопись армян, добродетели которых были мирные, а пороки — следствия притеснений.

Джорж Байрон

На протяжении последних нескольких сотен лет англичане проявляют большой интерес к Черному морю и прилегающим к нему территориям, в том числе и Крыму. В разное время, в разных политических условиях английские авторы создали большое количество книг различного содержания, посвященных региону. На страницах многих из них можно найти интересные сведения о проживающих здесь армянах.

В 1783 году манифестом Екатерины II Крымский полуостров вошел в состав Российской империи. Одним из свидетелей этого события стал английский дипломат в Стамбуле Вильям Итон, издавший в 1799 году в Лондоне книгу «Исследование Турецкой империи». На страницах книги Итон многократно пишет об армянах и, шире, о христианах, которые составляли значительную часть населения Османской империи, занимались торговлей, ремеслами, градостроительством, были купцами, ювелирами, менялами, архитекторами. Итон упоминает о вкладе армян в архитектуру империи: «Церковь Св. Софии, после того, как она стала мечетью, была образцом для построения других мечетей, так как архитекторами были, в основном, греки и армяне» [1, р. 215]. В другом месте Итон сообщает об армянских ювелирах: «Ювелиры, в основном, армяне, изобрели интересный способ украшения корпусов для часов и других вещей бриллиантами и другими камнями, которые просто наклеиваются на предмет» [1, р. 233].

Об армянских купцах Итон пишет: «Говорят, что турецкий купец отличается честностью; возможно, что это правда, если сравнить его с изобретательным греком или вкрадчивым армянином, которым при работе в несправедливых условиях приходится прибегать к хитростям со своими имперскими хозяевами, хотя половину хитростей и обманов можно отнести к низкой организации общества» [1, р. 249].

Итон пересказывает в книге широко известную в то время историю про армянского менялу, из которой следует, что даже высокопоставленные турки (в частности, султанша) занимали у армян деньги, а армяне в случае необходимости могли обращаться за помощью к великому визирю. «В те времена, когда великим визирем был известный Кубилу, старуха принесла армянскому меняле шкатулку с драгоценностями, чтобы занять денег для султанши, оставив шкатулку в залог. Шкатулка была опечатана печатью. В срок, назначенный для возвращения денег, старуха не явилась. Через некоторое время меняла в присутствии уважаемых людей открыл шкатулку, и оказалось, что драгоценности в ней были фальшивыми. Армянин пошел к визирю и рассказал ему, что произошло. Выяснилось, что султанша никого не посылала, чтобы заложить драгоценности. Визирь приказал меняле незаметно убрать из лавки все ценные вещи и поджечь ее (его люди будут находиться рядом и предотвратят распространение пожара). Потом меняла должен был сидеть перед своей лавкой с горькими жалобами о сгоревшей шкатулке с дорогими драгоценностями. Через несколько дней появилась старуха и потребовала возвращения шкатулки. Старуху доставили к визирю, который пригрозил ей страшными пытками, если она не расскажет правду. Тогда старуха назвала своих сообщников, их казнили, а армянину вернули деньги, за вычетом доли визиря. Этот факт известен в Константинополе» [1, р. 36-37].

Наряду с другими христианами армяне являлись главными плательщиками налогов в империи. Итон пишет: «Так как сами магометане не платят ни подушных налогов, ни податей, и в общем, их вклад в доходы государства ничтожен, пашам приходится искать другие средства изымать их деньги, но больше всего страдают христиане». Только христиане платили подушный налог – карах. Кроме того, султан Амурат I постановил забирать у христиан каждого пятого ребенка, которого потом принимали в магометанство и делали янычаром [1, р. 62]. В то

же самое время армяне обладали минимальными правами, вплоть до того, что они не имели права строить новые церкви. Итон свидетельствует: «В судах свидетельство христиан почиталось мало, два свидетельства считались одним и могли быть опровергнуты любым мусульманином, считавшимся честным человеком» [1, р. 206].

Итон отмечает: «В Большой Армении и в соседних странах были целые независимые народы и племена, которые совершенно не признавали Порту и ее пашей» [1, р. 298-299]. Уже в то время высшее руководство империи ставило вопрос об уничтожении всех христиан в стране. Как пишет Итон: «Султан Мустафа, взойдя на трон, предложил казнить всех христиан в стране»; «Часто Порты серьезно обсуждала вопрос: а не перерезать ли всех христиан в империи, которые не примут магометанство» [1, р. 133].

Книга Итона содержит и более частные упоминания об армянах. Так, автор сообщает, что во время непрекращающейся в империи эпидемии чумы «г-н Матра давал порошок Джеймса армянской семье в Константинополе около 20 лет назад, и они выздоровели» [1, р. 268]. Говоря о населении Каира, Итон приводит мнение местного армянина: «О населении Каира мне рассказал один здравомыслящий армянин, который прожил там 12 лет; он представил почти те же цифры, что и Волни – 230 тыс жителей» [1, р. 289].

Как следует из текста книги, Итон посещал Крым и Кубань, и оказался свидетелем переселения из Крыма армян. Он пишет: «В сентябре 1778 года, пока я был на карантине на русской границе, мимо проходило 75 тысяч христиан, которых русские обязали выселиться из Крыма (35, 769 мужчин). Армянские женщины из Каффы были более красивы и, я думаю, были ближе к совершенству форм, которое запечатлели греки в своих оставшихся нам статуях, чем женщины из Тино. Этих людей послали заселить земли, оставленные ногайскими татарами, возле западного побережья Азовского моря (Палус Меотис). Но пришла зима, а дома для них не успели построить, большинству из них негде было спастись от холода, кроме как в землянках, покрытых чем попало. Эти люди привыкли к удобным домам, и большая их часть погибла. Несколько лет назад в живых оставалось только 7 тысяч человек» [1, р. 337].

Одним из первых английских путешественников, посетивших Крым после присоединения его к России, был Эдвард Даниэл Кларк, английский натуралист и историк, путешествовавший по России в 1800-1801 годах, автор многотомного сочинения «Путешествия по разным странам». Во втором томе этого сочинения, под названием «Путешествие по России, Татарии и Турции», содержится ряд упоминаний об армянах. Так, Кларк пишет, что на пути в Карасубазар (совр. Белогорск) он случайно оказался в небольшом селении, где проживало всего 30 семей, и все они были армянами. Там было много полуразрушенных зданий с надписями на турецком и армянском языках [2, р. 130]. О Карасубазаре автор пишет: «Говорят, что крымские товары в Карасубазаре дешевле, чем в любом другом месте полуострова. В лавках торгуют кожей, типа морокканской, которую сами и выделывают, продают также керамику, инструменты, мыло, свечи, фрукты и овощи. Здесь около 3700 жителей, мужчин и женщин, смешанное население состоит из татар, русских, греков, евреев, итальянцев и армян» [2, р. 159-160].

Более подробно Кларк описывает Феодосию. «При въезде в город, возле здания бывшего монетного двора, находятся руины города, который можно считать древней Феодосией. Они относятся к отдаленному времени. Что же касается остальной части города, то не видно никаких подтверждений тому, что здесь когда-то был древний город. Надпись на стене крепости сообщает о том, что строительство здания завершено в 1474 году; в этом же году город был захвачен турками султана Мухаммеда II. Другие старые надписи относятся к периоду не позднее начала XIV века. Мы взяли себе одну плиту с надписью на армянском языке. Прекрасно обработанные буквы рельефно выступают на мраморной плите. Сейчас она выставлена в вестибюле Кембриджской университетской библиотеки. Перевод надписи приводится вместе с переводом греческих надписей. Там говорится о работе, проделанной в одной из церквей в Каффе в 1400 году. [...]

На противоположной стороне города проживали татары, она и сейчас населена ими. Армянские кварталы располагались на холмах между двумя частями города; сейчас там только руины, как и в генуэзской части города. Если Феодосия когда-нибудь и находилась на месте теперешней Каффы, то она, должно быть, скрыта армянской и татарской застройкой, занимающей весь северо-восточный берег; все последующие наблюдения убедили нас в том, что Феодосия и Каффа не находились на одном и том же месте.

На возвышенности, над татарским городом, поблизости от стен старой армянской крепости, стоит круглое здание, очень похожее на руины возле Неаполя, на берегу Байи. Сейчас оно разрушено, но если снять верхнюю часть штукатурки, плохо прилегающую к стене, появляется прекрасное цветное внутреннее покрытие, напоминающее штукатурку Помпей и Геркуланума. Армяне, которые, возможно, превратили здание в место для богослужений, сочли необходимым скрыть языческие украшения» [2, р. 148-149].

Упомянул Кларк и о Старом Крыме и расположенном рядом монастыре Сурб-Хач: «В горах, к югу от этого места, в одной из диких и уединенных местностей, где решили обосноваться истинно верующие, находится армянский монастырь. Его стоит посмотреть хотя бы из-за живописного окружения – других сведений о нем нам не предоставили» [2, р. 156].

На южном берегу Кларк посетил деревню Махмуд-Султан, расположенную в двух милях от Дерекоя. Он пишет: «Как в турецких, так и в армянских надгробиях часто можно увидеть небольшие углубления, сделанные родственниками покойного. Туда постоянно наливают воду, и, если птицы прилетают туда напиться, это считается хорошим знаком для усопшего. Такие армянские надгробия прекрасной работы, из мрамора, покрытого надписями, могут быть причислены к крымским реликвиям. Они очень старые, и на них, как и на тех, что я видел в Турции, скульптурными символами обозначены профессии тех, чьими мемориалами они являются. Так например, для менялы изображается совок, используемый банкирами, для портного – пара ножниц, для садовника – лопата» [2, р. 265].

Новый всплеск интереса англичан к Крыму был связан с Крымской войной 1854-1856 годов. Позже английская путешественница Аннет Микин констатировала: «До середины девятнадцатого века англичане знали о Крыме удивительно мало; но когда в 1854 году разразилась война, книги о полуострове стали появляться одна за другой» [3, р. 269]. Среди изданий на английском языке, посвященных Крымскому полуострову и изданных непосредственно после окончания войны, выделяется своим содержанием книга Дункана Мак-Ферсона «Древности Керчи».

В ходе войны, в мае 1855 года войска союзников захватили Керчь. Не встретив серьезного сопротивления, в полдень 13 мая 1855 года союзные войска вошли в город и, миновав Керчь, двинулись к крепости Еникале, куда прибыли в полночь. Едва армия союзников миновала Керчь, как город наполнился мародерами, которые принялись безудержно грабить дома жителей и казенные здания; при этом, как стало хорошо известно, был разграблен керченский музей древностей, который был основан в 1826 году и был одним из старейших музеев России.

В числе других англичан, на протяжении всего периода оккупации Керчи в городе находился доктор Мак-Ферсон (1812-1867), занимавший должность главного инспектора госпиталей турецкого контингента и одновременно являвшийся членом Королевского географического общества и Археологического института Великобритании и Ирландии. Мак-Ферсон был участником первой «Опиумной» войны 1840-42 годов между Англией и Китаем. Военную кампанию Мак-Ферсон детально описал в книге «Два года в Китае», изданной в 1842 году. Второе издание книги увидело свет в 1843 году, и в том же году последовало третье издание с новым названием «Война в Китае».

После разграбления Керченского музея английский военный министр лорд Панмюр отдал распоряжение сохранить уцелевшие древности и переправить их в Англию. С этой целью был создан комитет, в который вошли д-р Мак-Ферсон, майор Крис и майор Вестмакотт. Они отобрали и переправили в Британский музей сорок семь фрагментов античных скульптур, после чего совместные действия членов комитета завершились вместе с официальными полномочиями. Однако доктор Мак-Ферсон продолжил археологические занятия и в течение всего периода оккупации Керчи занимался раскопками античных древностей в окрестностях города. В изданной впоследствии в Лондоне книге «Древности Керчи» Мак-Ферсон пишет: «Нашими рабочими были, в основном, армяне, следовавшие за армией. Этот народ был поработан и в крайней степени угнетан своими мусульманскими правителями. Эти несчастные были чрезвычайно благодарны за ту доброту и заботу, которую я к ним проявлял. И хотя во время раскопок они постоянно подвергали свою жизнь опасности, работу они не бросали, зная о моей глубокой заинтересованности раскопками. Некоторые из них действительно вообразили, что глубоко погрузились в археологию и подбирали все, что видели: гвозди, обломки медных изделий, осколки керамики, кости – и бережно передавали все это мне для осмотра. Забавно было слышать их мудрые замечания и наблюдения по поводу

каждой находки. Как же они бывали разочарованы, когда я отвергал какую-нибудь вещичку! Поэтому, чтобы сохранить их пыл, я решил уносить домой все, что они собирали. Это приводило в ужас мою русскую экономку-повариху, пожилую даму около восьмидесяти лет, которая осталась служить мне из сочувствия, так как зимой разбежались все остальные слуги» [4, р. 82].

За любой, самой кровопролитной войной следует мир. После окончания Крымской войны на Черном море снова появились английские торговые корабли, а в Керчи обосновался британский вице-консул. В 1870-е годы должность британского вице-консула в Керчи занимал Клайв Филлипс-Уолли (1853-1918), член Королевского географического общества. Выполнение служебных обязанностей не отнимало у английского джентельмена много времени. По признанию самого Филлипса, зимой большую часть времени он проводил среди диких птиц или катался на коньках с миловидными керченскими дамами на катке возле пристани, в то время, как его старый добрый начальник всегда старался дать ему возможность приятно провести время. Тем больше времени оставалось у Филлипса для главного увлечения его жизни – охоты.

О своих охотничьих экспедициях и приключениях в Крыму и на Кавказе Филлипс рассказал в книге «Охота в Крыму и на Кавказе», которая была издана в 1881 году, вскоре после окончательного возвращения ее автора из Крыма в Англию. Охотничьи путешествия Филлипса были насыщены разнообразными приключениями; в книге содержатся яркие описания природы, быта и нравов различных народов, населявших Крым и Кавказ в XIX веке. Вероятно, в свое время книга пользовалась успехом у английского читателя, поскольку в 1894 году увидело свет ее второе издание.

В первых трех главах книги, посвященных большей частью Крымскому полуострову, содержится только одно неуверенное упоминание об армянах: во время охоты в селе Мескечи (современное село Песочное Ленинского района) Филлипс «на несколько дней остановился в доме главного фермера деревни, грека или армянина, не помню точно» [5, р. 48]. Гораздо более яркие впечатления об армянах остались у Филлипса после его посещений Кавказа.

По Кавказу Филлипс путешествовал в очень беспокойное время. Только что завершилась русско-турецкая война 1877-1878 годов, и ситуация в регионе оставалась нестабильной. Возвращаясь из первой, сравнительно непродолжительной экспедиции по Кавказу, в екатеринодарской гостинице «Санкт-Петербург» Филлипс оказался в центре жаркой политической дискуссии за столом хозяина. Среди других гостей находился «кавказский плантатор» Лорис-Меликов, брат Михаила Тариеловича Лорис-Меликова, происходившего из армянских дворян и бывшего в то время министром внутренних дел Российской империи [5, р. 180].

Во время второго, более продолжительного путешествия на Кавказ, Филлипс проследовал через Сухуми и Поти в Тифлис. Город произвел на Филлипса большое впечатление. Здесь у него состоялся примечательный разговор о горе Арарат. Филлипс пишет: «Когда я прощался с одним другом, разговор зашел о книге профессора Брюса, с которым мой друг лично встречался в Тифлисе. Он уверил меня в том, что, несмотря на все слова профессора, никто не верил, что он действительно покорил Арарат – так глубоко сидит в местных жителях вера в то, что Арарат покорить невозможно. К тому же, эти люди просто неспособны оценить слово англичанина. Меня поразило это замечание как раз потому, что профессор Брюс в своей книге говорит о том, что ни один местный житель не поверил, что Паррот и Абих покорили Арарат. Так что кажется естественным, что профессор разделит их судьбу» [5, р. 229].

Следуя далее в Дагестан, Филлипс остановился в армянской деревне Гердаул. Он охотился на птицу с местными крестьянами, пил домашнее вино из местных подвалов и даже встретил в этой деревне рождество. «Все население Гердаула – армяне, а деревня, как и большинство армянских деревень, процветает. Армяне почти такие же хорошие фермеры, как и немцы, изобретательные, трезвые, трудолюбивые и себе на уме. Они всегда живут лучше, чем их соседи, которые неизменно называют их ворами и всячески ненавидят. В случае армян из Гердаула, я надеюсь, что соседи ошибаются, так как ко мне там отнеслись очень искренне и гостеприимно. Деревенские женщины по большей части старались не попадаться нам на глаза, но мы видели, как мелькают их фигуры, занятые домашним хозяйством, загонкой скота или тканием ковров.

Почти перед каждым домом стояла огромная рама, похожая на рамы для работы с шерстью, которые можно видеть у английских дам, но только размером с переднюю часть

дома. На этих рамах, не копируя узоры ни с каких образцов, деревенские армяне ткали свои ковры. В Тифлисе они продаются под видом персидских второго сорта или под видом армянских из Шуши и Шемахи» [5, р. 251].

На обратном пути Филлипс снова оказался в Тифлисе, где посетил восточный базар с торгующими персами и армянами. Увиденные картины вызвали у Филлипса следующее замечание: «Некоторые армянские подростки самостоятельно занимались торговлей. Я видел двенадцатилетнего ребенка, у которого была собственная лавка и который составлял конкуренцию торгующим рядом взрослым мужчинам. Армяне начинают жизнь рано, развиваются быстро и мгновенно перепрыгивают из детства во взрослое состояние. Их женщины выходят замуж в двенадцать лет, и, как мне рассказывали, да я и сам видел, армянские девушки этого возраста выглядят довольно взрослыми» [5, р. 322].

Возвращаясь в Крым, в сезон дождей, англичанин простудил горло и поспешил на пароход, торопясь вернуться в Керчь, к своему доктору. На крымскую землю охотник вернулся в критической стадии дифтерии; после выздоровления он вернулся в Англию, где вскоре и была издана его книга «Охота в Крыму и на Кавказе».

На рубеже XIX-XX столетий по России путешествовала Аннет Микин, член антропологического института, неутомимая путешественница и плодовитая писательница. Как пишет сама Микин, во время первого пребывания в России она путешествовала между Петербургом и Владивостоком, от Москвы до Ташкента. Она стала первой западноевропейской женщиной, которая полностью проехала по Транссибирской железной дороге. Итогом первого путешествия по России стали изданные в Лондоне книги «Железная лента» (1901 г.) и «В русском Туркестане: сад Азии и ее люди» (1903 г.).

Новое путешествие по России Микин осуществила в 1904 году. После него в Лондоне была издана солидная, объемом свыше 400 страниц, книга «Россия. Путешествия и исследования», которая стала для английского читателя настоящей энциклопедией русской жизни, с огромным количеством разнообразной и очень интересной информации, преподнесенной очевидцем.

В Крыму первую короткую остановку Микин сделала в Симферополе и отметила: «Название города происходит от греческих слов *συμφέρ*, собирать и *πολις* город; что касается национальностей, население в Симферополе действительно «собрано» из русских, татар, поляков, армян, цыган, караимских евреев, других евреев, греков и так далее» [3, р. 267].

Следующая остановка была в Бахчисарае, про который Микин пишет: «Татарское население города составляет около десяти тысяч человек, остальное – русские, греки, армяне и евреи. В лавках так много армянских вещей, что город напоминает Тифлис» [3, р. 269].

В главе «Феодосия и Керчь» большое внимание Микин уделила художнику И. К. Айвазовскому: «В местном концертном зале висит огромное полотно, называемое «Феодосия» кисти Айвазовского, великого армянского художника-мариниста; на одном из самых красивых бульваров находится замечательный фонтан, который построен в его честь и назван «Фонтан Айвазовского».

В городе четыре православных церкви, три армянских церкви, одна римско-католическая церковь, одна лютеранская церковь и четыре татарских мечети. [...]

В 1811 году в Феодосии был открыт музей древностей, а в 1872 году г-н Айвазовский спроектировал и построил за свой счет новое здание музея. [...] Венчает славу Феодосии, без сомнения, картинная галерея Айвазовского. Картины, за исключением одной-двух, принадлежат кисти великого художника-мариниста, но не на всех изображено море. Среди них: «Портрет архиепископа Габриэла», «Головка девочки», «Возвращение со свадьбы», «Феодосия», «Высокая волна», «Руины Помпеи с моря», «Среди волн», «Зима», «Скала Пушкина в Гурзуфе», «Восход солнца на острове Святой Елены», «Переход евреев через Красное море», «Данте», «Сбор фруктов в Крыму», «Восходящая луна», «Буря», «Юпитер и Олимп», «Маленькая русская свадьба» и многие другие. Есть также портрет Айвазовского, написанный Крамским, и бюст, сделанный в 1889 году в Париже скульптором Бернштамом, а также портрет матери художника, написанный им самим. После смерти художника галерея стала собственностью города; она открыта ежедневно с одиннадцати до двух. За вход берут двадцать копеек (два с половиной пенса), а деньги идут в пользу благотворительного заведения. Айвазовский умер в 1900 году и был похоронен на кладбище армянской церкви, в которой его крестили. Дети сделали ему прекрасный саркофаг, на котором написали по-армянски и по-русски: «Родившийся смертным, оставил бессмертную память» [3, р. 339-340].

Совершая краткий исторический экскурс в историю Феодосии, Микин пишет: «Когда русские взяли город, население его составляли в основном армяне; им было велено переселиться в районы, оставленные татарами-ногайцами, и многие из них погибли в пути от холода во время суровой зимы». О более раннем периоде истории Феодосии А. Микин пишет: «Пока Каффа находилась в руках турок, она была важным центром работорговли – большинством рабов были прекрасные армянские девушки» [3, р. 341].

Складывается, однако, впечатление, что сама путешественница не побывала ни в Феодосии, ни в Керчи, а главу составила на основании путеводителей и других письменных источников своего времени. Посетив несколько крымских городов: Севастополь, Балаклаву, Алупку, Ялту, Алушту, Микин продолжила путешествие по России. Она побывала в Одессе, Кишеневе, Киеве, после чего отправилась на Кавказ. В Тифлисе английская путешественница посетила армянские церкви, армянский базар, много гуляла по улицам этого колоритного восточного города. «Странные костюмы, узкие восточные улочки, полные армянских палаток, немощные главные улицы, где грязь по колено, и многое другое возвращало ум в реальную жизнь. Население Тифлиса к 1904 году насчитывало 180 тыс душ, 25 % из них были русские, 38 % армяне и 26 % грузины. Армяне занимались почти исключительно торговлей и разнообразными ремеслами [...] Благодаря трудолюбию вышеупомянутых торговый оборот в Тифлисе возрос до 50 миллионов рублей» [3, р. 423].

А вот в Баку прогулки по городу пришлось ограничить: «Местный город может взволновать любителей Востока, но женщинам здесь лучше не ходить без хорошего сопровождения, так как местные персы и татары являются одними из самых свирепых представителей человечества, а местным армянам доверять нельзя» [3, р. 427].

Список литературы

1. Eton W. A Survey of the Turkish Empire. – London, 1799.
2. Clarke E.D. Travels in Various Countries – vol. II. – London, 1818.
3. Meakin A. Russia: Travels and Studies. – London, 1906.
4. MacPherson D. Antiquities of Kertch. – London, 1857.
5. Phillipp-Wolley C. Sport in the Crimea and Caucasus. – London, 1881.

А. Д. Тимиргазин (Судак)

ЧЛЕН АРМЯНО-КАТОЛИЧЕСКОЙ КОНГРЕГАЦИИ МХИТАРИСТОВ НА ОСТРОВЕ СВ. ЛАЗАРЯ В ВЕНЕЦИИ МИНАС БЖШКЯНЦ (МИНАС МЕДИЦИ)

Среди многих авторов, описавших в разное время Крымский полуостров, одной из самых интересных, загадочных и малоизученных личностей является Минас Бжшкянц (Минас Медици). Священник Минас Медици (1777-1851), уроженец Трапезунда, был монахом армяно-католического монастыря мхитаристов на острове св. Лазаря в Венеции. В 1717 году декретом Сената Венецианской республики остров св. Лазаря был предоставлен «в вечное пользование» армянскому монаху Мхитару и его ученикам для основания армянского монастыря. Со временем монастырь стал центром просвещения, не имеющего аналогов в армянской диаспоре. На острове были собраны армянские рукописи, а с 1797 года в монастыре начала действовать типография; изданные в ней книги стали уникальными.

Значительную часть своей жизни Минас Медици прожил в Крыму, в городе Карасубазаре (современный Белогорск). В Государственном архиве Автономной Республики Крым хранится дело «По предписанию министра духовных дел и народного просвещения, о армяно-католическом иеромонахе Минасе Медици», датированное 1821 годом, благодаря которому мы можем узнать некоторые подробности появления Минаса Медици в Крыму. В начале 1821 года он прибыл из Вены в Феодосию, где «Его императорского величества все милостивейшего государя моего статский советник, феодосийский градоначальник и орден св.

равноапостольного князя Владимира 3-й и св. Анны 2-й и 4-й степени кавалер» Перовский выдал ему следующий паспорт: «По указу Его Величества Государя Императора Александра Павловича самодержца всероссийского и прочая, и прочая и прочая. Предъявителю сего венецианскому уроженцу священнику Минасу Медици, которой приметам: росту среднего, лицом чист, глаза серые, нос умеренный, волосы на голове темнорусые, борода темнорусая – от роду лет 42, следующему по Таврической губернии в продолжение трех месяцев от ниженаписанного [...] благоволено б было чинить туда и обратно на заставах. Пропуск дан сей за подписом и печатью моими в благополучном городе Феодосии февраля 10-го дня 1821 года». 30 марта 1821 года председатель Карасубазарского римскокатолического суда засвидетельствовал на копии паспорта: «Что сия копия пашпорта в Карасубазарском римскокатолическом суде по сличении с подлинным от слова до слова оказалась во всем верна в том суде сей подписом и приложением казенной печати свидетельствует» [1, л. 2].

16 мая 1821 года Министр духовных дел и народного просвещения князь Александр Голицын направил Таврическому Гражданскому губернатору из Санкт-Петербурга запрос за номером 1376, в котором сообщает, что «в городе Карасубазаре находится армяно-католический иеромонах Менас Медици, прибывший в Россию, как он изъясняет, по паспорту нашего посланника в Вене, и которому в Феодосии выдан билет на проезд в Таврическую губернию сроком по 10-е число текущего месяца». В связи с тем, что иеромонах Медици изъявил письменное желание навсегда остаться в России, А. Голицын сделал запрос: «прошу ваше превосходительство уведомить меня, в чем состоит ныне его занятие, и не было ли какого случая, который подал бы повод к невыгодному об нем заключению?» [1, л. 1].

Исполняющий обязанности Таврического гражданского губернатора Иван Дмитриевич Тодоров направил приказ карасубазарскому полицмейстеру Яценкову за № 2078 от 6 июня 1821 года: «В городе Карасубазаре находится армяно-католический иеромонах Менас Медици, прибывший в Феодосию, как изъяснил он, по паспорту нашего посланника в Вене.

Вследствие полученного мною от г. министра Духовных дел и народного просвещения поручаю вам разведать и обстоятельно донести мне, в чем состоит [...] занятие означенного иеромонаха, и не было ли такого случая, который подал бы повод к невыгодному о нем заключению» [1, л. 3].

16 июня 1821 года карасубазарский полицмейстер Яценков направил Таврическому губернатору ответ, в котором сообщил: «В исполнение предложения вашего высочородия от 6-го числа сего июня за № 2078-м о католическом еромонахе Минасе Медици разведывал я скрытным образом и что он сначала его прибытия в здешний город с пашпортом от феодосийского градоначальника г. статского советника и кавалера Перовского данным 10-го дня сего года за № 32-м жительствоует в доме церковном католической церкви принадлежащем, ведет себя весьма честно. Занимается чтением книг, обучением католических детей по армянски, и всегда бывает в церкви, имея здесь родственников из армяно католиков, весьма ученым и в церковном служении знающим. От Медици в других каких качествах [...] в поведении его сумнение его совсем незамечено, о чем вашему высочородию сим имею честь донести» [1, л. 4, 4 об].

Соответственно, министру А. Голицыну было направленно донесение от 20 июня 1821 года за номером 2252, что «Медици жительствоует в доме, принадлежащем армяно католической церкви, ведет себя честно, занимается чтением книг и обучением юношества своей нации грамоте. Всегда бывает в церкви, имеет в Карасубазаре родственников, в худых поступках никаких замечен» [1, л. 5].

Непродолжительное время спустя И. Д. Тодоров получил письмо от графа А. Ланжерона из Одессы от 6 июля 1821 года: «Милостивый государь мой, Иван Дмитриевич! В Карасубазаре имеет жительство армянский католический священник Минас. Покорнейше прошу Ваше Высочородие рекомендовать тамошнему полицмейстеру, дабы оказывал ему всякое должное сану его уважение, и в нужных случаях пособие и защиту.

Примите уверение в истинном моем к вам почтении и совершенной преданности, с которыми пребыть честь имею». Граф А. Ланжерон просил также И. Д. Тодорова передать отцу Минасу прилагаемое письмо [1, л. 6]. Соответственно, карасубазарский полицмейстер получил распоряжение за № 3494 передать Минасу Медици письмо А. Ланжерона, а самому иеромонаху «оказывать почет и защиту» [1, л. 7]. В ответном рапорте исправляющему должность гражданского губернатора Ивану Дмитриевичу Тодорову за № 1001 от 16 июля 1821 года карасубазарский полицмейстер Яценков доложил: «Препровожденное при предписании

вашего высокородия от 11-го июля за № 2414-м письмо армяно-католическому иеромонаху Минасу Медици отдано за распискою, и при том должное к нему уважение и в потребном случае пособие чинено быть имеет. О чем вашему высокородию честь имею сим донести» [1, л. 8].

Согласно некоторым источникам, свое знаменитое путешествие, описанное в книге «Путешествие в Польшу и другие места, населенные армянами, выходцами из древнего столичного города Ани», Минас Медици совершил в 1825 году [2]. Сама книга была издана в 1830 году в Венеции на староармянском языке. Феодосийский историк Л. П. Колли так отозвался об этой книге: «Бывший некогда настоятелем карасубазарского армяно-католического прихода, патер Минас Медици, совершил во втором десятилетии минувшего XIX столетия, ученую поездку по всему югу России, от Днестра до Волги и Кавказа. В объемистой реляции об этой весьма сложной в то время поездке армянский путешественник описывает все лично им виденные достопримечательности. Касаясь всего, что могло привлечь его внимание в географическом, историческом, этнографическом, естество-испытательном отношении, о. Минас рисует картины степей, рек, морей, городов, церквей, развалин и, попутно, промышленной, торговой и религиозной жизни встреченных им во время путешествия народностей. По обильному материалу, реляция о. Минаса настолько ценна, что мы можем здесь только выразить желание увидеть когда-нибудь его труд переведенным на русский язык, тем более, что многое им виденное и описанное всего столетие тому назад уже безвозвратно исчезло с лица земли» [3, с. 30].

С того момента, как Л. П. Колли написал эти слова, прошло еще одно столетие. К сожалению, пожелание историка до сих пор не осуществилось: на русском языке до настоящего времени было опубликовано только несколько отрывков из книги Минаса Медици [3, с. 30-38, 4, с. 441-451; 5, с. 33-36].

Известна большая роль, которую сыграл Минас Медици в жизни Гавриила Айвазовского, будущего архиепископа. Гавриил родился в 1812 году в Феодосии, первоначальное образование получил в армянском приходском училище и в Феодосийском уездном училище. В 13-летнем возрасте отец отдал Гавриила в Карасубазар для обучения Минасу Медици, который был известен как педагог и писатель. Заметив в молодом Айвазовском большие способности и охоту к учению, Минас Медици отправил его в 1826 году в Венецию, где Гавриил приобрел обширные сведения в науках, в 1830 году был пострижен в монахи и причислен к братству мхитаристов, а в 1834 году возведен в сан священника [6, с. 435-443].

Одно из дел, хранящихся в Государственном архиве Автономной Республики Крым, свидетельствуют о том, что Минас Медици владел садом в Судакской долине. В 1831 году судакские помещики, поддержанные Таврическим гражданским губернатором А. И. Казначеевым, выступили с инициативой об учреждении в Судаке почтовой конторы. А. И. Казначеев сообщил феодосийскому земскому исправнику в письме за № 10187 от 17 ноября 1831 года: «Граф Федор Петрович Пален по отзыву г. главноначальствующего над почтовым департаментом, сообщает мне, что казна по малости в Судаке почтового дохода не может принять там содержание почтовой конторы на себя; посему помещики и купечество, желающие иметь в Судаке почтовую контору и согласных принять содержание ее на свой счет, по примеру тому, как в некоторых других местах почтовые конторы содержатся не от казны, а от помещиков, градским обществом, и про то надлежит им прислать оформленную просьбу в почтовый департамент» [7, л. 1]. А. И. Казначеев предложил судакским помещикам собрать общее совещание и сделать добровольную раскладку «к ежегодному в назначенное время взносу известной суммы, с утверждением оной при договоре, приготовить по содержанию почтового департамента формальную просьбу и потом уже оную прислать мне для представления по принадлежности» [7, л. 1]. В ноябре 1831 года был составлен список судакских садовладельцев с проставленной против каждой фамилии суммы, ежегодно выделяемой на содержание почтовой конторы в Судак. В списке присутствует подпись «карасубазарского армянского католического священника Минаса» и указана сумма 6 рублей [7, л. 5]. Кроме Минаса Медици, в списке значатся и другие армяне: купец Альянаков (сумма 12 рублей, подпись на армянском языке), Качук Давлетов (сумма 25 рублей, подпись на армянском языке), Э. Карамурза (сумма 15 рублей, подпись на армянском языке), Гавриила Карамурза (сумма 10 рублей, подпись на армянском языке), Качадур Карамурза (сумма 10

рублей, подпись на армянском языке), армянин Кулаков (сумма 6 рублей, без подписи), а также армянский монастырь¹ (без указания суммы) [7, л. 5-6].

18 октября 1833 года Таврический гражданский губернатор А. И. Казначеев направил в карасубазарскую полицию следующее отношение: «Государь Император, по положению комитета Г.г. министров, в 12 день минувшего сентября Высочайше повелеть соизволил: «в построенной в Карасубазаре священником Минасом Медици армяно-католической каплице дозволить совершать Богослужение по обряду сего исповедания».

О таковой Высочайшей воле, сообщенной мне г. Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором в предписании от 6 сего октября за № 282-м, я предписал карасубазарской градской полиции и предлагаю губернскому правительству по исполнительной экспедиции для сведения» [8, л. 1].

Книга «Путешествие в Польшу...» была не единственной работой, созданной Минасом Медици в Крыму. В ГА АРК хранится «Отношение Управления Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора Таврическому губернатору о разрешении настоятелю Карасубазарской армяно-католической церкви священнику Минасу Медици выезда в Венецию на 2 года для печатания в армяно-католической академии, составленной им многоязычной грамматики» от 7 декабря 1845 года [9, л. 1, 1 об]. В 1846 году Минас Медици, находившийся уже в преклонном возрасте, навсегда покинул Крымский полуостров.

Список литературы

1. ГА АРК, Ф. 26, оп. 1, д. 5448
2. Об остатках древних армянских церквей в Феодосии // Радуга. Журнал учено-литературный и политический, издаваемый в Феодосии, при армянском халибовском училище. – ноябрь, 1860.
3. Колли Л. П. Из «Путешествия по Южной России» о. Минаса Медицы // ИТУАК. – 1910. – № 44.
4. Армянские древности Таврического полуострова // ЗООИД. – Одесса, 1877. – т. 10. – отд. 3.
5. Минас Бжишкян. Кеозлев или Евпатория // Сурб-Хач. – № 2. – Симферополь, 1996.
6. Караулов Г. Архиепископ Габриэл Айвазовский (некролог) // ЗООИД. – 1881. – Т. XII. – отд. 3.
7. ГА АРК, Ф. 3, оп. 1, д. 10.
8. ГА АРК, Ф. 27, оп. 1, д. 3565.
9. ГА АРК, Ф. 26, оп. 1, д. 14846.

¹ Имеются в виду земли, принадлежавшие монастырю Сурб Хач в Айсавской долине вблизи Судака. Согласно межеванию, произведенному 22 июля 1832 года младшим землемером межевой конторы губернским секретарем Поповым, «В Айсавской долине во владении Старокрымского Армянского Георгиевского монастыря духовенства онаго» состояло «внутри того владения обмежеванного одною окружною от всех смежных владельцев межою по нынешней мере и по изчислению земли состоит пустопорожней удобной для пастьбы скота и разведения садов 11 десятин 187 сажень, под виноградным садом 4 десятины 1055 сажень, под строением избы 18 сажень, под проселочною дорогою и половинами оных 1125 сажень, под истоками оврагов и крутостью гор 141 сажень. А всего во всей окружной меже 16 десятин 126 сажень и за исключением неудобных мест осталось одной удобной земли 15 десятин 1216 сажень. В оном саду в поселении состоит изба» [ГА АРК, Ф. 377, оп. 11, д. 729-730].

ПРИЛОЖЕНИЕ

*О. В. Байбуртская, А. М. Байбуртский (Старый Крым)
А. Д. Тимиргазин (Судак)*

СТАРОКРЫМСКИЕ СТАРОЖИЛЫ: БОЛГАРИН КОНСТАНТИН АЛЕКСЕЕВИЧ КАРЕВ И АРМЯНИН КЕВОРК ЛУСАГЕНОВИЧ ШАГАНОВ

Сто лет назад Крымский полуостров представлял собой неповторимое соцветие национальных культур и традиций. По соседству друг с другом в мире и согласии жили армяне, русские, крымские татары, греки, болгары, немцы, караимы, другие народы. В XX веке на долю крымских народов выпало множество трагических испытаний. Многие народы Крыма внезапно лишились своей родины и были насильственно депортированы из своих городов и сел. Единцам крымских болгар и армян удалось десятилетия спустя вернуться на землю своих отцов, в места, где родились они сами. В их числе в Старый Крым вернулись родившиеся в этом городе болгарин Константин Алексеевич Карев (1918-2004) и армянин Кеворк Лусагенович Шаганов (1912-2001). Они были похоронены в родной земле, успев поделиться яркими воспоминаниями о своей наполненной драматическими событиями жизни, сумев донести и передать потомкам ценнейшие крупицы знания о судьбах народов Крыма.

В основу данной статьи положены записи бесед О. В. Байбуртской, А. М. Байбуртского и А. Д. Тимиргазина с Константином Алексеевичем Каревым и Кеворком Лусагеновичем Шагановым в 1996-1997 годах в Старом Крыму и на усадьбе монастыря Сурб-Хач.

КОНСТАНТИН АЛЕКСЕЕВИЧ КАРЕВ

О семье Каревых

- *Константин Алексеевич, расскажите о себе и о своей семье.*
- Мой отец – местный, старокрымский болгарин. Как я помню по рассказам моей матери, сестра отца вышла замуж в Феодосии. У хозяина была вальцевая мельница. Когда мой отец подрос, сестра забрала его на мельницу, работать слесарем, заниматься ремонтом. Отец сделал для себя маленький домик в две комнаты, но хороший, кирпичный. Работая у сестры, он познакомился со своей будущей женой, моей матерью. Родители матери – тоже старокрымские. После женитьбы отец переехал к матери, а свой дом сдавал квартирантам. Он купил одноцилиндровый мотор и построил мельницу в Старом Крыму, в своем доме. Помню, я своими руками шил приводные ремни. Отец и его брат еще до революции купили земельный участок в Отузах (совр. Щебетовка), посадили виноградник, который поделили пополам, и пользовались им до коллективизации. После того, как расстреляли отца, участок достался матери и был поделен на пять частей большой семье. Пять человек окапывало участок за 10 дней. Виноградник давал две с половиной тонны вина. Торговали вином, был подвал. На пять семей выходило по полтонны каждой семье. Были бочки, свои постоянные клиенты. В Отузы из Старого Крыма ходили пешком. В Отузах тогда жили только татары. Не было никогда воровства. Мать наняла татарина присматривать за виноградником, его звали Сейтея. У него было два или три сына, жили они рядом с мечетью, которая сейчас восстановлена. Мамина мама и отец тоже имели виноградник в Отузах, и она освоила татарский язык чисто. У бабушкиного брата был свой домик на винограднике, а сам он жил в Османчике (совр. Холодовка). Я родился в 1918 году. Помню, на виноградник мы ездили как на курорт. Брали меня. Возле мечети был магазин, в котором продавалось огромное количество мяса: бараньи головы и туши, отдельно ножки на холодец. Мы ходили к сторожу в гости, у него были мягкие сиденья под стенкой, приветливая жена, обязательно напоят кофе. Никогда не было никаких конфликтов. На виноградниках не ставили сеток, только обрезанную лозу укладывали по краям. Впоследствии наш виноградник экспроприировали.

Из истории Болгарщины

- *Помните ли вы какие-нибудь рассказы или предания о возникновении Болгарщины?*
- Рассказывали, что на месте Красного села был огромный лес. Когда делили землю между болгарами, каждому выделяли 25 соток под строительство дома и огороды. Бывало, какой-нибудь дом стоял прямо посреди леса, и даже диких коз иногда стреляли прямо из окна. Мы – поколение тех, переселившихся в Крым болгар.
- *На каком языке говорили в семье?*
- На болгарском. Русским языком в детстве я не владел. В Болгарщине жили одни болгары и только одна татарская семья, переехавшая из Отуз. Татарский мальчик Абкадыр тоже научился говорить на болгарском.
- *Что еще было в Болгарщине?*
- Болгарская школа была, церковь. Сейчас церковь находится на прежнем месте, только раньше не было колокольни. Службы проходили на русском языке. После смерти отца мать отдала меня обслуживать священника в церкви. Первый священник был очень аккуратный старичок. Там, где сейчас живет священник, был сельсовет. Перед началом богослужений я бил в колокол. Священник говорил: два раза ударь в колокол и больше не бей, чтобы не мешать. Потом его арестовали и, конечно, расстреляли, потому что больше его не видели. Некоторое время спустя появился новый священник. Кто-то говорил, что это монах. Монастыри тогда разогнали, второго на моей памяти священника тоже арестовали, при третьем церковь закрыли. Его тоже арестовали, а церковь опечатали.
- *Где находилось болгарское кладбище?*
- На выезде из Старого Крыма в сторону Феодосии. Там и сейчас сохранилось несколько надгробий. Потом там сделали игровую площадку. Бульдозерами спланировали могилы, сделали футбольную площадку. Сейчас там не играют. Бывшее кладбище заросло кустами.
- *Где проходили границы Болгарщины?*
- За один квартал до улицы Лесной, немного минуя церковь. За ней переулок, ведущий вниз. На Лесной тоже жили еще болгары.

Занятия старокрымских болгар

- *Расскажите о жизни болгар в Старом Крыму.*
- В доме дочери и сыновья всегда были в поле зрения родителей. Дочери вместе с матерью всю зиму обрабатывали шерсть. Болгарский горак – прибор для изготовления шерсти. Иглы на высоком станке, как рама. Хозяйка берет станок под колено, шерсть протягивает под иглами. Остается мусор. В каждом доме были примитивные ткацкие станки, всю зиму пряли шерсть, делали нитки. Работа трудоемкая, но ткань не отличалась от заводской. У моей матери было четыре сестры. Работали они целыми днями, никто не гулял.
- *А мужчины?*
- Зимой работы особой не было. У каждого было две лошади и два быка кастрированные, то есть волы. Осенью землю пашут на зябь. Подростки с осени на пашне, погоняли волов. Земли имели по 10-15 гектар. Нашему селу принадлежало 450 гектар земли за речкой. Весной, в мае-июне косили сено. Детям давали маленькие грабли: я кошу, ты поворачивай.
- *Где находились покосы?*
- Покосов было мало, на лесных полянах. Сено приобретали в степной части Крыма. Каждый, кто занимался земледелием, кормил волов, молочных коров. Там, где сейчас автозаправка, была ровная степь, без виноградников. Солому ячменную и овсяную можно было купить. Животные хорошо ее ели. Потом коммунисты пустили там плантажные плуги, чернозем пустили вниз, насадили виноградники.
- *Болгары сажали зерно?*
- Они корчевали лес, обрабатывали участки. Много болгар было в Коктебеле, Отузах, выращивали виноград.
- *Какие были ремесла?*
- Кузнец был русский, Герасим. Бондарь тоже русский. Оба они жили в городе.

- *Глиной занимались?*
- По пути к монастырю, через речку, слева находятся остатки керхеня – там была печь. Делали черепицу. Работали, по-моему, татары. Дело было налажено. Работали в одних трусах, черные, делали кирпич и черепицу, она сохранилась на некоторых старокрымских домах. Обжигали дровами в печи.

Праздники и обычаи старокрымских болгар

- *Какие вы помните праздники и обычаи у крымских болгар?*
- Помню, ранней весной болгарская молодежь 18-20 лет делала Татаругу, то есть чучело. Если маленький мальчик или девочка согласится, молодежь идет в лес, рвет зеленые ветки, оплетают ребенка так, чтобы не было видно головы и всего остального. Две болгарские девушки ведут татаругу по дороге, поют песни. Мальчики должны облить водой чучело, а на самом деле обливали девушек. Так ходили по улицам. Мальчики в виде благодарности принимали, кто что даст – яйца, деньги и так далее. Потом в одном из домов готовили, пили, гуляли.

Кукер – замаскированное лицо, молодой человек, маска. Я был маленьким пацаном, смотрю, навстречу по улице идет Кукер. Где живет девчонка – заходит, все разбросает.

Осенью, при сборе пшеницы, девочку лет 12 одевают как невесту, в кружева. Взрослые девушки берут ее, одной ножкой на одно плечо, другой на другое. Держали ее на плечах и с колосьями пшеницы ходили по улице, пели песни, чтобы урожай был хороший.

В день Пресвятой Троицы в Топлах был престольный праздник. У болгар в честь праздника ходили в ближайший лес, рубили зеленые ветки, в комнатах стелили, разбрасывали грецкие орехи у калитки, срубленные ветки привязывали к столбу. Каждый год делали карусель на Троицу. Карусель мальчики крутили вручную, яркими корзинами из бус, при вращении она переливалась, пол хороший, могла стать женщина с ребенком, посадить ребенка на лошадку. Кто два-три раза карусель покрутит, потом сам может кататься с семьей или любую девчонку посадить покататься. Сохранялась своя самобытность, культура.

Коллективизация

- *Что происходило в Болгарщине после установления советской власти?*
- В 1924 году отцовскую мельницу опечатали, отца арестовали и увезли в Симферополь. В это время многих арестовали и расстреляли, в том числе священника церкви отца Бориса.
- *С чем это было связано?*
- Планировалась коллективизация, арестовывали тех, кто явно не будет вступать в колхозы, а хочет сам быть хозяином.
- *Как вы узнали о том, что вашего отца расстреляли?*
- Несколько месяцев об отце не было никаких известий. Мать и несколько других женщин, мужей которых арестовали, наняли бричку и поехали в Симферополь. Я начал плакать, проситься к отцу, и меня взяли с собой. Мне тогда было 6 лет. Приехали в симферопольскую тюрьму. Помню дом в несколько этажей. Мать хотела сделать передачу, но когда подошла ее очередь, ей грубо сказали: ваш муж выбыл. Куда? В погреб. И больше ничего не сказали. Был июнь или июль месяц. Я хочу пить. Идем по дороге. Женщина семечки продает. Мать просит: напоите мальчика водой. Женщина принесла воды, напоила, спрашивает, зачем приехали. Мать говорит: арестовали мужа, мы хотели сделать передачу, а ее не приняли, сказали – муж в погребе. Что за погреб, где? Женщина и говорит: милая, не ходите и не ищите, нет его в живых, в погребе – значит в могиле, только не сказали простыми словами. Так мы и вернулись домой.
- *Как вы жили после расстрела вашего отца?*
- Начались на нас гонения. 78 лет я живу, и ни одного момента в жизни не было, чтобы я мог сказать, что жил нормально. В 1930-е годы создали колхоз. Мы в него не пошли. Мамина младшая сестра Евдокия Константиновна Арнаутова была учителем в болгарской школе, и поэтому в сельсовете участвовала в обсуждении деревенских дел. Она узнала, что нас отсюда вышлют. В 1932 или 1933 году она приходит и говорит, что нас решено отсюда выслать. Мы посоветовались и решили бежать. Наняли бричку, и мать, старший брат, старшая

сестра и я ночью выехали в Феодосию, а оттуда поездом в Мелитополь. В двух-трех километрах от Мелитополя было большое овощеводческое хозяйство в селе Константиновка. Там мы наняли квартиру.

Мы никому не сказали о том, куда уехали. Уже потом мамина сестра рассказывала, что утром пришли нас искать, но увидели только замок на дверях. Через некоторое время замок сорвали и все наше имущество продали на торгах, а в доме сделали красный уголок.

В Мелитополе мы жили до ноября. Приближалась зима, топить было нечем. Мать тайно поехала к сестре. Боялась показаться властям. Сестра говорит: сиди дома, я увижу председателя сельсовета, его фамилия Ватамов, тоже болгарин. Тот сказал: если вернется и согласится работать в колхозе, дом вернем. Вернулись мы в дом, зашли – четыре стены. Ничего нет. Сельсовет вручил нам список, кому продали имущество во время торгов. Сказали, если сможете обратно выкупить – выкупайте, но только на добровольных началах. Старшая сестра и я ходили по списку из дома в дом, кое-что вернули: горшки, кастрюли, сковородки.

Колхоз

- *Расскажите о колхозе.*

- Когда мы стали работать в колхозе, год или два работы на трудодни не давали ничего – только 150-200 грамм охвостьев. Я пас коров, старшие работали в колхозе. В 1933, кажется, году дали на трудодни побольше. Потом начался грабеж. Ходили агенты по заготовке хлеба по домам тех, кого считали кулаком, делали обыски, забирали пшеницу. Мама решила под деревянным полом в доме выкопать яму, опустить сорокаведерную бочку и спрятать пшеницу. Ночами копали яму, землю ссыпали в огород. У болгар принято мазать полы, сестра замазала красиво, не было никаких признаков. Сверху постелили домотканые ковры. Через несколько дней к вечеру приходят. Председатель Ватамов, агент Синий в тужурке с кобурой, не местный, командированный сюда. Устроили обыск, из комнаты в комнату ходят. Сестра с лампой стоит. Ничего не нашли. Очаг – прямая труба, выложен жженым кирпичом. Председатель залез на кирпич и говорит: здесь что-то есть. Мать отвечает: ну, раскопайте. Они не стали, вышли во двор. В сарае хранилось сено, в котором было спрятано два мешка пшеницы. Кукуруза сохла в сарае на жерди. Синий маме говорит: распишись, что у тебя ничего здесь не спрятано. Если найдем – будешь отвечать по закону. Мать говорит, у меня дети, спрятала я два мешка пшеницы. Был у них шест, на конце в виде шила. Затолкают палку в солому, если нащупают мешки, то вытаскивают. Мать испугалась. С ними были местные исполнители, чтобы на бричке награбленное увозить. Вытащили пшеницу, сняли кукурузу, сложили ее в мешки. Синий приказал погрузить все на бричку и везти в сельсовет, а сам пошел дальше, к соседям. Среди исполнителей был Иван Иванович, молодой человек, который симпатизировал моей сестре. Чтобы мы не умерли с голоду, пару мешков спрятали в огороде в бурьяне. Остальное увезли. В колхозе выдавали немного зерна на трудодни. Если сдавать его на мельницу, возьмут за помол. Поэтому мы установили в погребе небольшие камни – ручные жернова. В погреб спускаемся и закручиваем жернова. Получим крупу, съедим, и снова в колхоз. В колхозе было сорок гектар табака. Люди работали от темна до темна.

Депортация

- *Расскажите о депортации болгар из Крыма.*

- Депортацию я не застал, потому что был угнан в Германию, уже в конце войны, в 1944 году. Мы находились в концлагере Шахренау в Германии, где пережили страшную жизнь. Бывало, запрягут человек 6-7 в бричку, и длинной палкой погоняют. Мы возили песок, бетонировали шоссевые дороги. После окончания войны я попал в фильтрационный лагерь НКВД, где один офицер и сообщил мне, что болгар депортировали. Я даже не знал, что это значит. Мы писали письма в Крым родителям, но ответ не получали и удивлялись, что не отвечают. Тут один товарищ приходит и сообщает новость. Один татарин кузнецом работает, и он сказал: что вы пишете, их там нет давно. Только тогда я и узнал, что произошло, осенью 1946-го года.

Направили нас в Нижнюю Туру Свердловской области. К болгарам там относились как к врагам народа. За самовольный уход с места высылки давали 20 лет каторжных работ: такой указ нам зачитали. Взяли отпечатки пальцев, запретили уезжать. Каждый вечер нужно было

докладывать коменданту, что никто не убежал. Депортированных было много – русские, украинцы, два болгарина.

Потом я восемь лет работал агротехником в Вахской долине в Таджикистане. Оттуда переехал в Душанбе, там жила моя сестра. Мне дали квартиру, земельный участок. Я работал агрономом в Душанбинском городском обществе охраны природы, выращивал лучшие сорта чайно-гибридных роз, выписанных из Адлера. Эти розы и сейчас цветут у меня в огороде в Старом Крыму, куда я вернулся в 1978 году, после того, как вышел на пенсию.

КЕВОРК ЛУСАГЕНОВИЧ ШАГАНОВ

Посчастливилось нам также пообщаться с единственным из коренных старокрымских армян Кеворком Лусагеновичем Шагановым. Его отец – Шаган Лусаген Вартерос, мать – Шаган Евгения Карабедовна. В семье было много детей. Еще до совместной жизни Лусагена и Евгении у отца было четверо детей и один ребенок был у матери: Давид, погибший во время войны, Константин, Мария, Христина и еще один брат. Совместно у Лусагена и Евгении было еще трое детей – Кеворк Лусагенович Шаган и две его сестры Екатерина и Зинаида.

Кеворк родился в Старом Крыму 5 октября (старого стиля) 1912 года. Свидетельство о рождении за номером АИ 0424956 он получил, по-видимому, уже в 1930-е годы. Бланк свидетельства был на крымскотатарском языке, поскольку в те годы в Советском Союзе проводилась политика коренизации.

С детства Кеворк отличался крепким здоровьем. Все братья Шагановы увлекались кулачными боями, в том числе по найму (они были «кулачными королями»). Помимо родного армянского, Кеворк владел также русским и татарским. Женился он на гречанке Софье Григорьевне Попондопуло. Если они с женой хотели, чтобы дети не понимали разговора, то говорили по-татарски. 11 июня 1940 года родился сын Владимир в Старом Крыму, 2 июля 1942 года – сын Александр в Старом Крыму.

Согласно архивной справке, с 20 апреля 1941 года по сентябрь 1944 года Кеворк Шаганов служил рядовым стрелком 526 стрелкового полка Приморской Армии (Армянская дивизия). Великую Отечественную Войну он встретил в Бессарабии. В 1944 году, узнав о депортации крымских армян, и в том числе своей семьи, оставил службу и начал разыскивать родственников. Его удостоверение участника войны порвал военком из-за обвинения в дезертирстве. Новое удостоверение было выдано в 1955 году.

Мать Кеворка Лусагеновича скончалась в Гурьеве в 1944 году, сразу после депортации. Отец умер несколько позже в Душанбе. Его могила была единственным православным захоронением на мусульманском кладбище. Могила сохранялась до самого последнего времени, ее никто не осквернил.

28 августа 1948 года в Душанбе у Кеворка Лусагеновича родился сын Иван, 10 ноября 1951 года дочь Евгения, 13 декабря 1953 года – дочь Надежда. Кеворк Лусагенович был строителем, каменщиком высокой квалификации. В Душанбе он принимал участие в строительстве Театра оперы и балета им. Садреддина Айни, драмтеатра им. Маяковского, Дома правительства, гостиницы Вахш. Он также брал в Душанбе земельные участки, строил на них дома и продавал. Таким образом, он построил и продал в Душанбе 5 домов.

В 1977 или 1978 году Кеворк Лусагенович вернулся в Старый Крым. Дом его родителей раньше находился на месте современной школы-гимназии № 1 по ул. К. Либкнехта. В Старом Крыму он построил дом по улице Ларишкина, 23 (сейчас Солнечная, 23), дом по ул. 12 апреля, а в 1992 году, в возрасте 80 лет, начал строить дом по ул. Братьев Стояновых, 87.

После возвращения в Старый Крым сын Кеворка Лусагеновича Иван принимал участие в реставрации монастыря Сурб-Хач, о чем рассказывают материалы в экспозиции Литературно-художественного музея города Старый Крым. Внучка Кеворка Лусагеновича Софья, старшая дочь Ивана, в 1992 году венчалась по обряду Армянской Апостольской Церкви в храме Сурб-Ншан монастыря Сурб-Хач. Это было первое венчание в храме после многолетнего периода.

Далее мы приводим запись беседы с Кеворком Лусагеновичем.

- *Вы происходите из коренных крымских армян?*
- Да, я родился в 1912 году в Старом Крыму, крестился в армянской церкви, которая находилась возле базара. Названия ее не помню, называли ее просто – армянская церковь. Во

дворе церкви было кладбище, метров 5 выше мясного ларька. Там были похоронены многие мои родственники – мать, жена. Там я никогда не хожу и не ступаю – душа болит. Рядом с армянской церковью, где угольный склад, была греческая церковь. Дорожка с правой стороны вела на кладбище. Армянскую церковь разобрали еще до войны. Моя жена – гречанка.

У крымских армян фамилии не заканчиваются на -ян. Здесь жили Шагановы, Криклиевы, Гагуловы. Наши деды служили в царской армии. На -ян заканчиваются фамилии армян из Турции, Сочи, Сухуми, Батуми. Мы не были в Ереване, наши деды родом из Ростова. В Крыму родился мой дедушка, мой отец, здесь родился и я. Там, где сейчас построили школу, жил мой дедушка. На весь квартал жили четыре брата.

- *Как жили армяне в Старом Крыму?*

- Очень разбросано, как и сейчас. Не было единого армянского квартала. Как и греки, которые жили здесь, а теперь уезжают. Большинство богатых людей жили по современной улице Ленина – бывшей Екатерининской. На этой улице было много армянских домов. Бенклиевы жили между улицей Ленина и школой – это был квартал Бенклиевых, они торговали мануфактурой. Напротив Бенклиевых жили Баризовы. Вартамов – водопроводчик, умел искать воду. Его зять – Баризов. На месте санатория была дача Вартанова. Была дача армянина Бабиева, еще дальше по горе – дача Лосева. В городе была дача Иванова, кажется, по улице Осипенко, выше на квартал улицы Нефтяников, второй дом через дорогу. Туда приезжали курортники, жили квартиранты. Нынешняя улица 12 апреля называлась Северная. Там я строился. Через три дома жил армянин Гоголов, дальше Надя Хаджаван.

До революции по Екатерининской были магазины, лавки, кофейни, сапожники, продавалась мануфактура. Двухэтажный дом стоял на месте почты, там был магазин, а потом Дом колхозника. Дальше по улице пекарня. Не любили стоять двухэтажные дома, в основном были одноэтажные кварталы. Бенклиев занимал целый квартал, и все дома были одноэтажные. Действовала мечеть, выше мечети Узбека жили Гордеевы. Мулла жил по дороге к современному водохранилищу, не доходя речки направо был квартал и сад муллы. Квартиру снимала третья жена муллы. Старые люди так и называют – Муллин сад.

Болгары занимались овцеводством, рубили лес, возили в Феодосию, выжигали уголь. Торговцы привозили товар с Турции и других мест. Был часовой мастер, кузнецы, колесники. Держали барашек, пчел. Но немного.

Во время гражданской войны мы иногда убегали в лес на 4-5 дней, на бричках, брали еду, жгли костры, там было спокойнее.

- *Вы помните действующий Сурб-Хач?*

- Помню.

- *Можете что-нибудь рассказать?*

- Когда я был маленьким, в сентябре был праздник Хачверац, на который собрались армяне со всего Крыма. Жертвовали: кто бычка, кто барашка, кто рис, три дня варили прямо в трапезной. Действовал храм. В армянском храме в Старом Крыму был батюшка, а в монастыре не было. Иногда приезжал служить из Феодосии, из Старого Крыма на праздники. Крестили детей в монастыре. На праздник всех кормили бесплатно, независимо от нации. В монастыре был сторож, было чистенько, хорошо кругом. Монахов не помню. Сторожем уже после революции, до гонений, был Шаганов Карп Владимирович. Жил в Старом Крыму, пройдет, посмотрит. Умер он в Белогорске, похоронили в Старом Крыму, где сейчас базар. Как ехать на монастырь, был мост через речку. На бричках ездили через монастырь, из-за Лысой горы возили дрова. Где сейчас ворота перед монастырем, было загорожено забором, рос хороший сад, груши, яблони. Мой дядя был охранником. Перед войной в монастыре был пионерлагерь. Соседка там работала поваром. В войну в монастыре все перерыли партизаны.

- *Были еще храмы в Старом Крыму?*

- Была одна церковь армянская. За хлебзаводом мостик, за ним слева, не доходя заправки, была небольшая церковь Чарпахан (Заступница), или святой Анны. Часть зарыта в земле. Крыша была крыта черепицей. При мне она была запущенная, не ремонтировалась. Рядом с Чарпахан тоже было небольшое армянское кладбище, там сейчас дома.

На горе была часовня Егория, как идти на карьер. Осталась дорога. На праздник Егория ходили все женщины, греки, армяне, русские, жертвовали петуха, батюшка служил.

- *У Георгиевской церкви не было признаков армянской?*

- Не помню. Это была русская церковь, с куполом, крестом. Была колокольня, батюшка звонил, проходили службы.

- *Смотрели ли за лесом? Было в Старом Крыму лесничество?*
- Не доходя монастыря, где тряпочки повязывали, была прорубленная полоса от Шах-Мурзы до водохранилища. Лес армяне отдали болгарам, назывался болгарский лес, а выше был монастырский лес. Лесничие смотрели за казенным лесом, в Бакаташе. Лесничие жили в городе, смотрели по лесу, делали обходы. Лесничество было напротив «Детского мира». После революции по улице Осипенко был лесхозный двор, туда возили лес. После революции весь лес стал казенным. В районе Шах-Мурзы был хозяин Калинин. С правой стороны – Макаровский лес по пути в Грушевку. Монастырский лес шел за старым монастырем (Сурб-Степанос), вплоть до Лысой горы. Дальше он относился к другому лесничеству.
- *Вы бывали в Кизилташском православном монастыре?*
- Там был большой сад, жили монахи. Один раз случайно спустился. Можно было проехать на бричке. Мы рубили лес, были делянки за Лысой горой. Туда ехали через монастырь Сурб-Хач, а обратно груженные через Переваловку, Грушевку, через Сурб-Хач было нельзя – круто.
- *На улице Лесной раньше были Уманские дачи?*
- Один дом остался. Хозяин был Уманский. Его, наверное, расстреляли, богатый был. Там жил Франц Иосифович Кухарский.
- *Была ли разница между армянскими, болгарскими, татарскими домами?*
- Нет, все дома были саманными. Рубили осину, делали потолок, наложат хворост, подмажут. Большинство болгарских домов такие же, как татарские, армянские, греческие. В сенях гости одевали тырлики, сверху тырликов одевали галоши. В комнатах полов было мало, глина, смазанная с навозом, в воскресенье подмазывали, чистенько было.
- *Дом, в котором мы сейчас находимся, тоже вы построили? (Улица Братьев Стояновых, 87).*
- Этот дом строил я. Потихоньку, хоть тяжело уже (Геворку Лусагеновичу было 84 года). Здесь был старый маленький дом. Я строился по улице Ларишкина. Потом сын продал. Школа, в которой я учился, была там же, где сейчас школа № 2. Закончил три класса.

Список сокращений

ЖМНП		Журнал министерства народного просвещения
МАИАСК		Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма
АДСВ	–	Античная древность и средние века
ВВ	–	Византийский временник. Москва
ВУА	–	Военно-учетный архив
ЗООИД	–	Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ИАСК	–	История и археология средневекового Крыма. Москва

ИНК – Историческое наследие Крыма. Симферополь
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии.
Симферополь
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
ЦГВИА – Центральный Государственный Военно-
исторический архив. Москва